5

ВОСПОМИНАНИЯ

Николай Константинович БАЙБАКОВ

С именем Василия Александровича Динкова в нашей стране связаны самые значительные достижения газовой промышленности и самые непревзойденные показатели в нефтяной промышленности. В.А. Динков после окончания Азербайджанского индустриального института в 1954 году работал в нефтяной и газовой промышленности более 30 лет, получив в период развития газовой промышленности на Кубани богатый производственный опыт. Здесь он прошел путь от старшего инженера газокомпрессорного хозяйства нефтепромыслового управления «Абиннефть» до начальника объединения «Кубань-Газпром» Мингазпрома. Здесь в 1958 году мы с ним впервые и познакомились. С 1966 года В.А. Динков работал в центральном аппарате Мингазпрома начальником главного управления по добыче газа, одновременно являясь членом коллегии, затем заместителем министра, первым заместителем министра и министром.

В.А. Динков — крупный организатор — много сил и энергии вложил в создание и становление газовой промышленности в неимоверно трудных условиях, где проявились его способности как руководителя, организатора и инженера. Под его руководством была заложена стратегия освоения уникальных по запасам и химическому составу газовых кладовых в Западной Сибири, Туркменской ССР и Прикаспийской впадине и осуществлена переброска из этих районов больших объемов газа на дальние и сверхдальние расстояния на основе новых прогрессивных технических решений.

Благодаря внедрению крупных и целенаправленных мероприятий, несмотря на неблагоприятное климатическое и тер-

риториальное размещение сырьевой базы и потребителей газа, успешно решены вставшие перед отраслью проблемы, что обеспечило стабильное развитие газовой промышленности высокими темпами в строгом соответствии с государственными решениями, Энергетической программой СССР, указаниями руководства страны.

За период его работы в качестве заместителя министра и министра добыча газа в стране увеличилась в 3 раза и в 1984 году достигла объема 587 млрд м^3 против 198 млрд м^3 в 1970 году.

В последние годы его руководства отраслью в газовой промышленности были достигнуты среднегодовые приросты добычи газа 40 млрд м^3. Добыча газа лишь в Тюменской области в 1984 году достигла 1 млрд м^3 в сутки. В стране начала действовать крупнейшая в мире Единая система газоснабжения, была осуществлена ее параллельная работа с газоснабжающими системами стран Восточной и Западной Европы. Газовая промышленность страны заняла лидирующее место в топливных отраслях промышленности и вышла на первое место в мире по уровню добычи газа, объемам транспортной работы, выполняемой магистральными газопроводами, и по масштабу энерговооруженности.

Василий Александрович был энергичным инициатором развития многих направлений научно-технического прогресса, уделявшим неослабное внимание вопросам повышения экономической эффективности работы отрасли. Его личный вклад в этой области остался непревзойденным и по сей день.

Под его руководством к середине 1980-х годов была значительно усовершенствована система эксплуатационного обслуживания объектов, создана материально-техническая база ремонтного обеспечения сложных технологических комплексов, оснащенных отечественным и зарубежным оборудованием, что создало условия для обеспечения устойчивого газоснабжения народного хозяйства. В условиях значительного рассредоточения трудовых коллективов в основном по необжитым районам страны, он постоянно уделял большое внимание решению социальных вопросов.

В.А. Динков по праву относился к числу государственных деятелей, которые адекватно реагировали на решение острых задач, возникавших в ходе развития экономики нашей страны,

активно осуществляя работы по такой важной народнохозяйственной проблеме, как перевод автомобильного транспорта на сжатый природный газ, изыскивая пути увеличения производства пропана, этана, бутана и других продуктов переработки газа и газового конденсата.

Под его непосредственным руководством были осуществлены большие работы по разработке и созданию мощностей для серийного производства экономичных газоиспользующих установок и бытовой газовой аппаратуры.

Много сил и энергии Василий Александрович вложил в ускорение решения комплекса вопросов по освоению нефтегазовых месторождений морских шельфов. К середине 1980-х годов в основном были решены вопросы создания специальных средств, позволяющих приступить к работам на больших глубинах морей.

Значительный вклад был внесен В.А. Динковым в разработку схемы перспективного развития и размещения газовой промышленности на период до 2000 года. По понятным причинам эти планы, в которых предусматривалось дальнейшее ускоренное развитие газовой промышленности, оказались нереализованными.

Большую роль сыграл В.А. Динков в развитии нефтяной промышленности. Именно под его руководством в 1988 году был достигнут рекордный уровень добычи нефти в нашей стране, 624 млн т. Так, к его заслугам в обеспечении ускоренного развития газовой промышленности прибавилось и это достижение нефтяников, которое навечно связано с именем Василия Александровича Динкова, и стало достойным памятником этому славному человеку, талантливому инженеру и выдающемуся руководителю.

Юрий Петрович БАТАЛИИ

Мое первое знакомство с Василием Александровичем состоялось в середине 60-х годов прошлого века на обустройстве Пунгинского месторождения Березовской группы месторождений природного газа. Это был первый для меня газовый объект, который к тому же предстояло обустроить в непривычно

трудных условиях Западной Сибири. Весь опыт предшествующих лет включал работу по сооружению объектов нефтяной промышленности, и этот опыт подтверждал, что в значительной степени успех дела зависит от взаимодействия с потенциальными пользователями результатов нашего труда строителей. И хотя строители и эксплуатационники были под единым руководством, мы понимали, что рассчитывать на какую-либо снисходительность со стороны своих коллег, эксплуатационников, не придется. Мы больше полагались на деятельное сотрудничество, установление нормальных взаимоотношений с ними на всех этапах сооружения объектов. Эксплуатационников представляли Михаил Васильевич Сидоренко и Василий Александрович Динков. Но подступиться к суховатому М.В. Сидоренко мешала определенная стеснительность. И здесь обнаружились удивительные качества характера Василия Александровича. После первых сухо официальных фраз он все более подробно и увлекательно стал знакомить нас, строителей, с особенностями газовых объектов, деликатно подчеркивая, что в значительной степени много нового он и сам почерпнул, работая над проектом освоения Березовской группы месторождений, расположенных в условиях севера, не идущих ни в какое сравнение с опытом освоения газовых месторождений Краснодарского края и накопленным в стране опытом освоения месторождений Узбекистана. Мои встречи и беседы с В.А. Динковым стали принимать систематический характер, результатом же была все большая уверенность строителей в решении многотрудных задач необычной стройки на болотах и заливаемых поймах по обустройству все более крупных месторождений установками все большей единичной мощности добычи и подготовки газа. К освоению следующих объектов Березовской группы строители уже подходили обогащенные новыми знаниями, и мои беседы с Василием Александровичем стали обретать контуры понятного ему газового профессионализма. При обустройстве Похромы, расположенной по соседству с Пунгой, Василий Александрович, поначалу видимо щадя мое самолюбие, стал допускать аргументированный спор по различным аспектам здесь же на трассе разрабатываемого проекта («полевое проектирование»), и наши споры к глубокому взаимному удовлетворению стали приводить к вполне конкретным результатам. Я считал для себя значительным шагом вперед, когда пос-

ле все более глубокого обмена мнениями он признал убедительность моего аргумента и после тщательного учета всех «за» и «против» согласился с предложенным мною вариантом свайного фундамента под технологические установки. К глубокому взаимному удовлетворению мы скрепили принятое решение подписями и крепкими рукопожатиями. Добиться согласия В.А. Динкова на пересмотр первоначального проекта это дорогого стоило. Но, с другой стороны, именно в подобных проявлениях и видится объективный признак высокого инженерного достоинства оппонента. Наши довольно частые совместные решения повседневно возникавших проблем (стройки ведь не имели мирового прецедента) переросли во взаимоуважительные отношения, а, казавшееся неподъемным, дело освоения газовых месторождений Западной Сибири от этого лишь выигрывало.

Следующим полигоном испытания на прочность уже сложившегося тандема Динков — Баталин стал Вуктыл. Открытое в 1964 году первое гигантское месторождение природного газа и газоконденсата Тимано-Печорской провинции Республики Коми первоначально предполагало традиционный массированный штурм «неприступной крепости» всеми родам войск, не ахти как вооруженной армии строителей — на ту пору оперативными группами едва оснащенных инженерно-техническими средствами, с использованием всего мыслимого и немыслимого многообразия рождавшихся на ходу тактических приемов. Однако вся эта, на первый взгляд, нерегулируемая деятельность была подчинена жестко сформулированной цели — обеспечение незамедлительной доставки газа удачно расположенного Вуктыльского месторождения промышленным объектам европейской части страны.

Но с каждым днем нашей совместной с В.А. Динковым работы по руководству освоением этого объекта нам становилось все более очевидным, что Вуктыл требовал иных подходов к решению проблемы, иную созидательную психологию. Было ясно, что без многоплановой глубоко продуманной подготовки нам эту «твердыню» не одолеть. Само, растянувшееся на 50 километров при незначительной ширине, месторождение диктовало и нестандартные приемы его освоения. Стало ясно, что на всем многокилометровом протяжении месторождения необходимо сооружение добротной дороги. Наиболее посвященные

понимали, что потребуется кардинальное решение проблемы жилья и для строителей, и для эксплуатационников, не обойтись было и без производственной базы. Возникшие было споры по озвученной стратегии освоения Вуктыла были нейтрализованы решительной поддержкой позиции строителей со стороны Василия Александровича. Особенно ценным для нас было то, что к этому мнению В.А. Динков пришел на основании личной оценки ситуации. На том и порешили. Авторитет заместителя министра по добыче и транспорту газа был общепризнанно высок. Начали со строительства дорог, жилья и перешли к сооружению промбазы...

Конечно-же были и иные мнения, оценки и предложения по освоению Вуктыльского месторождения, мол увлекшись инфраструктурой, завязнем в бесчисленном множестве проблем и упустим главное — неустанно напоминаемое министром А.К. Кортуновым решение «важнейшей задачи Мингазпрома» по вводу в эксплуатацию Вуктыльского газоконденсатного месторождения и т.д.

Вспоминаю, оказавшиеся неверными пространные рассуждения оппонентов с оценками содержания конденсата в газе. Результаты могли иметь опасные последствия, так как труба пущенного в эксплуатацию газопровода Вуктыл — Ухта быстро забивалась газоконденсатом, создавая угрозу её выхода из строя. Реакция Василия Александровича на возникшую ситуацию была мгновенной. Делом первостепенной важности стало сооружение конденсатосборников, которые были построены в короткие сроки. Затем для транспорта конденсата по инициативе Василия Александровича был построен быстросборный трубопровод, который был заимствован у военных.

Этот пример нашего оперативного взаимодействия в объективной оценке и предотвращении опасного развития нештатной ситуации еще больше укрепил возникшие на первых совместных стройках взаимоуважительные отношения, которые на протяжении всего последующего времени неизменно углублялись.

Надо ли быть большим провидцем, чтобы по достоинству оценить, в каком несомненном выигрыше оказывается экономика страны, когда движимый чувством долга в решении государственно важной экономической проблемы, готовящийся к ответственной приемке крупного промышленного объекта ру-

ководитель преисполнен готовности активно сотрудничать со строителем объекта, исповедующим те же высокие нравственные принципы — неустанно трудиться во благо общества. К счастью, такими примерами и нефтяная, и газовая отрасли не были обделены. А ведь это азбука социалистического хозяйствования. И каким же скудоумием надо было обладать власть предержащим, чтобы превратить эту, столь доступную для простого понимания идею в пугающий фантом.

После Западной Сибири работа на строительстве Оренбургского газохимического комплекса казалась несравненно легко выполнимой задачей. Нестерпимый зной можно было преодолеть, работая после захода солнца, а высокое содержание сероводорода в оренбургском природном газе не представлялось столь уж непреодолимым препятствием. В определенной мере успокаивал накопленный в стране опыт строительства объектов газлинского сероводородсодержащего месторождения природного газа. Хотя, у опытных специалистов газовой промышленности газ Оренбурга вызывал настороженно опасливое отношение. Угроза выброса сероводорода была чревата массовым отравлением людей и взрывом...

И это «ружье» выстрелило. Произошла беда. При всей повышенной сложности объекта, мы, не прибегая к посторонней помощи, довольно успешно завершили обустройство первого промысла, обвязку скважин и монтаж: средств автоматизированной защиты технологических процессов, включая три блокирующие системы контроля. Добытый газ стал перекачиваться первому промышленному потребителю, но... по невыясненной причине произошел взрыв технологической установки на промысле, повлекший за собой человеческие жертвы. Большой беды удалось избежать благодаря быстрой ликвидации аварии. Но обслуживающий персонал и окрестных жителей охватила паника.

Посыпавшиеся со всех сторон обвинения предвещали лишь усиление порожденного взрывом панического настроения со всеми непредвиденными последствиями. Эксперты терялись в догадках. Сторонники обвинительного уклона, а их по определению было не мало, строили различные версии причин взрыва: некачественное оборудование, неквалифицированно осуществленные строительство линейной части и монтаж, нарушение режима эксплуатации...

Вызванный в Москву для объяснений на заседании Коллегии я закончил сообщение просьбой направить в Оренбург для выяснения истинных причин ЧП высококомпетентного специалиста-газовика. Им мог быть лишь Василий Александрович Динков. В память врезались напряженные дни поиска ответа на вопрос. Василий Александрович со свойственной ему тщательностью проанализировал все обстоятельства взрыва с подключением научных организаций. Одно его появление вселяло уверенность в радикальном выходе из, казалось, тупиковой ситуации. И мы не ошиблись в ожиданиях. Результаты всестороннего исследования в конечном итоге привели к важному выводу о необходимости пересмотра структуры металла отечественных технических средств, используемых в зоне контакта с высокоагрессивным оренбургским газом. Подготовленные по выводам В.А. Динкова предписания по усовершенствованию материала металла отечественного оборудования и труб, а также рекомендации по увеличению импорта стойкого к сероводородсодержащему газу французского оборудования были приняты к исполнению и помогли преодолеть панический синдром страха перед оренбургским природным газом, а в дальнейшем обеспечить его уверенную и безопасную добычу, транспортировку и в конечном итоге выполнение международных обязательств по его экспорту в страны СЭВ по газопроводной системе «Союз». А ведь некоторые лихие головы настойчиво требовали предать суду и суровому наказанию, казавшихся им очевидных, «виновников».

Помнится, как в непосредственном сотрудничестве с Василием Александровичем мы обустраивали небольшое месторождение Газ Ачаг с добычей газа в 5—6 млрд м^3 в год, в Туркмении. Наша работа там спорилась несмотря на каракумскую жару и пустынное бездорожье. Проект разрабатывался непосредственно на месте, и его реализация заняла не более полугода, вместо обычных двух лет.

Я исполнял строительную часть, а Василий Александрович — технологическую, что значительно упростило весь процесс. Газеты тех дней пестрили восторженными репортажами со стройки. Было приятно слышать похвалу и от министра А.К. Кортунова. «Динков и Баталии, — заявил он на Коллегии, — демонстрируют в высшей степени полезный и непревзойденный пример творческого взаимодействия, важнейшим

итогом которого является и укрепление репутации министерства...»

Работая в Туркмении, мы настойчиво рекомендовали руководству республики добиваться увеличения масштабов геологоразведочных работ. Наши неустанные с Динковым усилия были решительно поддержаны руководителем республики Мухамедназаром Гапуровым и министром А.К. Кортуновым. Одним из первых результатов нашей настойчивости было открытие в 1968 году в Каракумах, недалеко от областного центра Мары крупного месторождения газа с запасами около триллиона кубометров, что в полтора раза превышало запасы знаменитого узбекского месторождения в Газли. Вспоминается, как остроумным инженерным решением был найден Динковым выход из, казалось, тупиковой ситуации. Если строительство газопровода от месторождения технических трудностей не представляло, то сооружение мощной компрессорной станции в центре Каракумов — это задача не из легких. Мощность станции примерно 80 тыс. кВт. Выход был найден в первоначальном сооружении так называемого лупинга — второй обводной трубы, позволяющей увеличить подачу газа без сооружения компрессорной станции, а затем уже установлением на второй «нитке» компрессорной станции на базе авиационного двигателя.

Эти воспоминания о совместной с В.А. Динковым работе в Туркмении напомнили и о почти забытой коллизии, связанной с названием месторождения. По чьей-то рекомендации первоначально оно было названо «Шахитли». Однако, вскоре стала очевидной возникшая несуразность. Дело в том, что значение корневого слова в этом названии «Шахит» никак не соответствовало жизнеутверждающему смыслу открытого геологами месторождения. Выяснилось, что в переводе слово означает «мертвая голова». (Достаточно вспомнить, ставших сегодня печально известными, «шахидов» — этих изуверски воспитанных радикальными религиозными фанатиками смертников.) Мудрые туркмены заменили это название на «Шатлык», что означает «счастье».

А месторождение действительно было превращено в оазис счастья с жильем, дорогами, подведенной водой, фруктовыми садами, виноградниками, и мы с Василием Александровичем гордились своей сопричастностью к его созданию. Кстати, про-

доложенная интенсивность разведочных работ увенчалась еще большим успехом — в 1976 году юго-восточнее Шатлыка было открыто ещё более мощное Давлетабадское месторождение с извлекаемыми запасами около 1,4 триллиона кубометров природного газа. Но пуском этого месторождения в 1983 году руководил уже Динков — министр газовой промышленности СССР.

Но, пожалуй, самыми сильными впечатлениями от глубоких знаний В.А. Динкова были и остаются воспоминания от совместной загранкомандировки в европейские страны в составе правительственной делегации в начале 1980 года, в предверие одиннадцатой пятилетки 1981—1985 гг. Командировка имела целью глубокое зондирование в деловых и правительственных кругах ФРГ, Италии и Франции идеи увеличения экспорта советского природного газа. На каждую страну было отпущено по неделе, с подписанием соответствующих документов. Я представлял Миннефтегазстрой, Динков — Мингазпром, Филановский — Госплан и др. Руководителем делегации был замминистра внешней торговли В.Н. Гордеев...

Складывающаяся к этому времени на мировом рынке конъюнктура энергоносителей была исключительно высокой и отражала действие периодически возникающих санкций стран ОПЕК на поставку нефти в США и другие страны... Переговоры требовали от нас убедительных свидетельств ресурсных возможностей и технической способности страны обеспечить потенциально возможные поставки намечавшихся огромных объемов природного газа. В те годы вопрос о политической стабильности страны не возникал. На первой же беседе с иностранцами во всей своей привлекательности проявился неоспоримый инженерный и дипломатический талант Василия Александровича. Он с первого же дня безоговорочно выделился в ведущего специалиста, в высшей степени облегчая задачу профессиональных внешторговцов, и мы все, не сговариваясь, признали в нем лидера в переговорном процессе. Понимали это и чутко реагирующие на все нюансы за столом переговоров иностранцы. Если В.А. Динков не поддерживал то или иное предложение это означало переход к обсуждению следующего вопроса. В.А. Динков предстал на этих переговорах крупной государственной фигурой, обладающей глубокими основополагающими знаниями, что давало несомненные преимущества в

технически безошибочно точном принятии решений. Переговоры проходили успешно, и мы почти достигли договоренности о сооружении двух экспортных газопроводов из труб диаметром 1420 миллиметров на давление в 75 атмосфер по маршруту Уренгой — Помары — Ужгород с использованием западной технологии и труб под будущие поставки советского газа. Была даже достигнута договоренность об экспортной цене нашего газа — 140 долларов за тысячу кубометров. Но в самый ответственный момент наши карты спутала жесткая позиция США. Президент Рейган, с использованием эмбарго на поставку высокотехнологичного оборудования в СССР, склонил часть наших предполагавшихся западноевропейских партнеров к отказу от достигнутых с нами ранее договоренностей. Им была запрещена поставка в нашу страну нагнетателей и аппаратуры, в которых использовались компоненты американских технологий. В конечном итоге, и не без усилий В.А. Динкова удалось избежать полного отказа от импорта нашего газа. В этом противостоянии беспрецедентному американскому давлению на своих союзников по НАТО был противопоставлен контраргумент Василия Александровича, который уже в качестве министра газовой промышленности, не ослабляя непосредственного участия в постоянно меняющейся ситуации, проявил свой поразительный талант инженера и руководителя. Его решительно поддержанная правительством колоссальная работоспособность и высокая репутация в стране и за рубежом позволили мобилизовать усилия соответствующих отечественных и иностранных КБ, машиностроительных и металлургических предприятий и фирм и, конечно же, без преувеличения, непревзойденных в мире отечественных строителей уникальных трубопроводов... И газ Уренгоя, пусть и по одной трубе и с использованием ограниченного числа компрессорных станций, все же был доставлен в ФРГ, Италию, Францию и другие страны в обещанные сроки. Этот труд был оценен по достоинству, и грудь Василия Александровича Динкова украсила звезда Героя Социалистического Труда...

Мне на всю жизнь запала в душу короткая беседа с министром газовой промышленности СССР Алексеем Кирилловичем Кортуновым в 1970 году, когда, с разницей в несколько месяцев, мы с Василием Александровичем стали заместителями министра. Вызвав меня в свой кабинет, министр по-отечески

предупредил: «...Имей в виду, Динков человек в высшей степени обстоятельный и дело свое знает очень хорошо. Это профессионал высокого класса и без глубокой аргументации склонить его к поддержке той или иной идеи — дело бесперспективное. Вместе с тем, это не мастодонт, решительно отметающий любого оппонента... Его отличает исключительная способность безошибочно вникать в инженерно-техническую суть проблемы..., так что запасайся аргументами и старайся находить с ним согласованное решение, это значительно облегчит мою последующую задачу — отстаивать интересы всей отрасли в высших эшелонах власти...».

У нас с Василием Александровичем была одна приемная на двух замминистров, и мы на протяжении двух лет после этого в совместной работе в Мингазпроме делили искреннюю радость частого общения. Но и после разделения Мингазпрома в 1972 году и моего перехода с А.К. Кортуновым в Миннефте-газстрой я неослабно убеждался в пророчестве характеристики Василия Александровича, данной ему нашим общим Учителем.

Время и обстоятельства последующих лет наше взаимопритяжение не ослабили. Более того, оно переросло в дружбу наших семей, которой суждено пережить любые испытания.

Грант Джаванширович МАРГУЛОВ

1966 год. В связи с реорганизацией совнархозов и образованием министерств, по приглашению А.К. Кортунова, я из Бухары переезжаю в Москву на работу в Мингазпром СССР. Здесь и состоялось мое первое знакомство с Василием Александровичем Динковым — начальником Главного управления по добыче газа. Еще тогда я заметил высокие человеческие и волевые качества этого человека, незаурядные организаторские и инженерные его способности, умение основательно решать возникающие проблемы.

Вместе мы проработали более 20 лет. Всякое бывало — крутые споры при обсуждении ключевых проблем развития, несовпадения точек зрения по отдельным вопросам, крупные ава-

рии и пожары, но всегда нас объединяло высокое чувство ответственности за порученное дело.

Василий Александрович Динков — Герой Социалистического Труда — прошел трудный путь от инженера до министра газовой промышленности, а затем и министра нефтяной промышленности. Люди знают и помнят его как замечательного и думающего министра, возглавившего нефтегазовые отрасли в особо ответственное время возрождения и бурного развития самого крупного в мире топливно-энергетического комплекса. При Динкове добыча газа в СССР возросла в три раза от 198 млрд $м^3$ в 1970 году до 587 млрд $м^3$ в 1984 году.

С именем и личным участием Динкова непосредственно связаны разработка научно-технических основ и создание Единой системы газоснабжения, уникальных подземных хранилищ газа, комплекса мощных сооружений по добыче и многониточному транспорту арктического газа в условиях тундры, болот, вечной мерзлоты, крупнейших газохимических комплексов, таких как Мубарекский, Оренбургский, Астраханский и др. Особо хочется отметить его замечательные труды в области повышения надежности трубопроводов, нефтегазового и компрессорного оборудования.

И, все же, в чем секрет успеха Динкова? Ответ на этот вопрос однозначен — беззаветная преданность своему делу, смелость и, в то же время, осторожность и расчетливость при принятии решений. Он был великий мастер «технических дискуссий». Он обладал природным даром находить нужных специалистов и часами обсуждать технические проблемы. Он всегда требовал всесторонние обоснования проблемы и точные расчеты. Но если Динков принял решение — это значит «мудро» и «надежно». У него была своя, никому неизвестная система контроля за ходом исполнения принятых решений.

Я хочу коснуться еще одной важной черты Динкова. Он отличался от многих добротой и скромностью на работе и в быту. Он, как правило, поддерживал подчиненных и яростно защищал хорошо знающих дело специалистов. Он, на самом деле, много делал людям добра. Именно при Динкове поднялась поросль новых крупных руководителей министерств, президентов нефтегазовых акционерных обществ, крупных ученых и специалистов.

В.А. Динков обладал природным даром видеть будущее развитие. В первые годы экономической реформы Динков хорошо понимал, что в силу уникального характера экссоветского топливно-энергетического комплекса, обусловленного высокой степенью концентрации, замкнутостью технологических связей, игнорирование «энергетического фактора» при переходе к новой экономической системе в условиях, когда не были подготовлены важнейшие элементы механизма рыночной экономики, неизбежно приведет к глубокому энергетическому кризису, резкому спаду производства и, соответственно, кризису во всех сферах жизни общества. Он выступал против механистического подхода к реформированию нефтяной и газовой промышленности и неоднократно вносил свои предложения, не допускающие развала единства энергетики, созданной трудом нескольких поколений. Однако выдержать мощный натиск первых горе-реформаторов ему и многим его сподвижникам не удалось. Думается, что это одна из главных причин его ухода с поста министра нефтяной промышленности на скромную инженерную работу по своей профессии.

Подвиг и личный вклад В.А. Динкова в развитие нефтегазовой индустрии трудно переоценить. И сегодня, переосмысливая прошлое, оценивая настоящее и будущее развития энергетики, без преувеличения мы вправе говорить об особой исторической роли Василия Александровича Динкова в прогрессе отечественного и мирового нефтегазового производства — основы человеческой цивилизации. Он, беспорно, входит в число легендарных советских министров и крупных государственных деятелей XX столетия.

Эмма Георгиевна ОДИНЦОВА

В газовой промышленности страны мощный темп прироста добычи и ввода новых мощностей в 1966 году начался с назначением начальником Главгаздобычи Мингазпрома Василия Александровича Динкова.

Знакомство коллектива Главгазкомплектоборудования с В.А. Динковым состоялось на встрече с ним в Главке, где собравшихся сотрудников он подробно посвятил в состояние дел

в стране в области добычи природного газа. На всех нас встреча произвела неизгладимое впечатление. Мы увидели в нем высококомпетентного руководителя, инженера и чуткого человека. Он пояснил, что жизнь требует перехода на новые, отличные от традиционно установившихся, решения при комплектовании оборудованием новых объектов. Главк, не дожидаясь завершения работы проектировщиков, должен параллельно заниматься оформлением заказов на оборудование. Василий Александрович лично, пункт за пунктом, проходил всю цепочку технологического оборудования, а затем все заказы передавались в проектный институт для привязки в проектные решения и последующего обустройства конкретного месторождения. Ввод новых мощностей по добыче газа задавал непомерно высокий деловой ритм всем остальным направлениям деятельности и особенно транспортировке газа. И надо прямо сказать, что с назначением Василия Александровича на должность заместителя министра и передачей ему вопросов обеспечения транспорта газа, был достигнут большой скачок и в строительстве компрессорных станций.

Он сумел убедить высокое руководство в категорической необходимости предъявления к сдаче расчетного количества КС. Мы нередко были свидетелями серьезных споров, возникавших со строительными организациями, особенно после разделения Мингазпрома и Миннефтегазстроя в 1972 году, и Василий Александрович убедительно отстаивал свои позиции. Под его руководством была осуществлена большая работа по унификации КС, что значительно ускорило их комплектацию и ввод в эксплуатацию.

Естественно, это вызывало нескрываемое раздражение строителей, у которых были свои проблемы. Однако В.А. Динков был непреклонен, а противопоставить .железной инженерной логике Василия Александровича убедительные контраргументы было делом бесперспективным. (Об этом можно почитать и в воспоминаниях В.И. Халатина.)

К нашим традиционным внутренним сложностям нередко прибавлялись и сложности внешнеторговые, когда, по независящим от нас обстоятельствам, начинали срываться импортные поставки важного оборудования и труб, контракты на которые были заблаговременно подписаны по нашим заявкам. Вспоминается, как в период резкого обострения отношений с США,

когда было объявлено эмбарго на поставки для нужд Мингазпрома запорных устройств и труб для оснащения строящихся магистральных газопроводов и главным образом экспортных, по поставкам газа в страны Западной Европы, в поисках выхода мы вынужденно обратились к японским фирмам «Кобэ» и «Хирута». По личному распоряжению В.А. Динкова я с группой сотрудников Внешторга срочно вылетела в Японию. Однако наше пребывание на японских фирмах было омрачено почти одновременным прибытием туда незаинтересованных в нашем успехе американцев. У них было твердое намерение сорвать нашу коммерческую сделку. Они были почти близки к цели. Речь шла о приводах к шаровым кранам. В создавшейся ситуации необходимо было принятие компетентного и ответственного инженерного решения. Положение дел спасла лишь оперативная связь с В.А. Динковым: Токио — Москва — Токио. Мгновенно оценив ситуацию, Василий Александрович успел переговорить с итальянцами, для которых мнение «инженьере Динков» было непререкаемым решением высшей инженерной инстанции, и по его инструкции и утвержденной схеме мы приступили в Японии к приемке некомплектных изделий, которые доукомплектовывались позже. Таким образом, были преодолены жесткие санкции США и в конечном итоге выполнены контрактные обязательства по поставкам природного газа в европейские страны.

С назначением В.А. Динкова первым заместителем министра резко возросло и внимание к унификации компрессорных станций. Унификации подверглись не только детали, узлы и компоновки компрессорных установок, но и элементы конструкций и архитектурно-строительные решения самих компрессорных станций. По настоянию В.А. Динкова работа по унификации начиналась на этапе предпроектных работ и исполнения проектных заданий в конструкторских бюро. Это была в высшей степени скрупулезная работа. Для ее облегчения под непосредственным руководством и личным контролем В.А. Динкова был разработан и принят отраслевой нормальный ряд соответствующих конфигураций КС. В обиходе появились «бабочки», «три по два агрегата», «четыре по три Е». Экономический эффект от унификации был огромным и группа специалистов была представлена к награждению премией Совета Министров СССР. Вспоминается, как остро реагировал

Василий Александрович на своеволие чиновников в комитете по награждениям, когда по необъяснимым причинам из представленного Мингазпромом списка стали произвольно исключаться отдельные кандидатуры. Положение дел было спасено немедленным письменным обращением Василия Александровича в правительство в защиту своих сотрудников и все претенденты на премию были удостоены звания лауреатов. Такие примеры подчеркивали ту атмосферу взаимопонимания между коллективом и руководителем, которая в конечном итоге положительно сказывалась на результативности работы. Особенно убедительно это было проявлено при выполнении важного и непрофильного нам правительственного задания. Дело в том, что, когда при высоком обсуждении проблемы укомплектования строящегося Сургутского завода по стабилизации конденсата Василий Александрович предложил поручить эту работу нашему коллективу, но нашлось немало скептиков, подвергших сомнению нашу способность своевременно справиться с этим ответственным заданием. В результате же стройка была укомплектована оборудованием досрочно. Надо было видеть, какой радостью светилось лицо Василия Александровича, когда Министерство получило благодарность правительства за выполненную работу. Все ее исполнители получили денежные премии. Но самой большой наградой для нас было чаепитие, на которое пригласил к себе в кабинет В.А. Динков вместе со мной группу руководителей — Г.К. Мануйлова, В.В. Денисова, И.С. Аверкиева. «Ребята, то, что вы отлично справились с, казалось, неподъемным заданием правительства, для меня огромная поддержка, ...а ведь было много сомневающихся, уверявших, мол, ваши спецы не справятся. ...Но я убедил их в обратном и рад, что не ошибся...»

Такая оценка дорогого стоила. Мы выпили по чашке чая, провели несколько минут за приятной беседой, тема которой постоянно возвращалась к предстоящим, все новым и новым проектам. И для каждого из нас это, без преувеличения, была наивысшая награда за действительно напряженный труд. Не могу не вспомнить и о заботе, проявленной Василием Александровичем к моей личной судьбе еще при А.К. Кортунове. Мои квартирные условия оставляли желать лучшего — семь человек на шестьдесят квадратных метров. Эти сведения дошли до него. Он вызывает и спрашивает: «Чем тебе помочь? Я ведь член

Коллегии...». И без лишних слов помог решить эту, непростую по тем временам, проблему. Кстати, членом Коллегии Мингазпрома я стала уже при Динкове-министре.

Или другой пример. Я долго мучилась в сомнениях, когда мне была предложена должность главного инженера Главка. Разговор у Василия Александровича был короткий: «Все работы боятся, а ты должности (!?)». И я согласилась.

Когда с приходом в Министерство С.А. Оруджева стали поговаривать о том, чтобы я возглавила Главк, я совершенно искренне решительно этому воспротивилась. Время шло, а я продолжала пребывать в тяжких раздумьях. Наконец, телефонный звонок нашего кадровика Тонконогова приглашает меня к министру.

Сабит Атаевич обращается ко мне так, как может лишь он один: «Слушай, хватит, что я тебя уже девять месяцев уговариваю. ...За это время можно родить ребенка. Иди, принимай Главк».

По всему было видно, что министр уже согласовал вопрос в высшей партийной инстанции, однако согласие свое я дала лишь после беседы с Василием Александровичем. Он был очень убедителен: «Не беспокойся, я буду во всем помогать...».

И я возглавила Главк, постоянно ощущая столь важную в нашем не простом деле поддержку этого умного, волевого, требовательного и целеустремленного руководителя.

Меня всегда удивляла организованность, собранность и аккуратность этого сосредоточенного и увлеченного работой человека, у которого, казалось, нет иных забот. Секрет же этой исключительности был в той атмосфере, которую создавала дома Галина Петровна. Эта на вид хрупкая и нежная женщина обладала неистощимой энергией и характером — кремень. Она полностью освободила Василия Александровича от всех неслужебных забот, никогда не вмешиваясь в служебные дела и не пытаясь каким-либо образом использовать положение мужа, и, переступив порог дома, он оказывался в теплой семейной атмосфере с лихвой восстанавливающей силы после неизменно напряженного рабочего дня, завершающегося, как правило, не ранее десяти вечера. И эту свою миссию Галина Петровна достойно выполнила до последних дней жизни Василия Александровича и сегодня передает динковское тепло всем окружающим.

Шаген Саакович ДОНГАРЯН

Назначение Василия Александровича Динкова в 1985 году министром нефтяной промышленности СССР безусловно было серьезным усилением отрасли. К руководству министерством пришел человек, уже много лет работавший министром газовой промышленности, обладавший большим опытом управления сложной газовой отраслью.

Нам была известна его приверженность надежным техническим и технологическим решениям в выборе машин, механизмов, систем автоматики и телемеханики для трубопроводных систем и узлов, положившая начало созданию на предприятиях Мингазпрома мощной, хорошо оснащенной ремонтной и диагностической базы, обеспечивающей своевременное выполнение всех работ по их ремонту и диагностированию.

К этому времени непомерно высокие задания по ежегодному приросту добычи нефти без достаточных материальных ресурсов и капитальных вложений подорвали возможности многих нефтедобывающих объединений, и отрасль уже несколько лет не справлялась с выполнением годовых заданий по добыче нефти.

В В.А. Динкове мы увидели иной стиль работы министра с правительством, Госпланом, смежными министерствами, предприятиями самого министерства и с его аппаратом.

Необычным был подход Василия Александровича к рассмотрению проектов планов нефтедобывающих объединений на следующий год. Все разделы плана каждого объединения рассматривались им с участием заместителей министра, начальников главков и управлений. Планы добычи нефти и газа принимались после тщательного обсуждения, а разделы капитальных вложений и материально-технического обеспечения рассматривались у заместителей министра отдельно до полного решения всей заявленной потребности объединения. Затем следовало их заключительное рассмотрение у министра. Если генеральный директор объединения заявлял, что все вопросы плана решены и согласованы — план принимался; в противном случае — работа продолжалась до завершения во вновь установленном порядке. Для сотрудников министерства эта работа была тяжелым испытанием. Но генеральные директора и их заместители к своему изумлению убеждались, что все вопросы

решены, а следовательно есть уверенность в главном — в выполнении заданий по добыче нефти и газа. Такая система рассмотрения плана облегчала министерству изыскание в Госплане, Госснабе, правительстве недостающих ресурсов.

Это был совершенно новый стиль работы министерства. Он вселял предприятию уверенность в выполнении плана, повышал взаимную ответственность и министерства, и предприятий. А девиз В.А. Динкова — «все вопросы предприятий должны быть решены на 100 %, тогда и план будет выполнен на 100 %» — стал девизом руководящего звена министерства и предприятий.

Назначение В.А. Динкова министром нефтяной промышленности совпало с началом перестройки. Это было бурное, а точнее сумбурное время. Снижалась дисциплина поставок продукции, на глазах начало разваливаться строительство, очередная же неожиданная директива высшего руководства обязывала в месячный срок подготовить и утвердить мероприятия по обеспечению к 2000 году каждой семьи отдельной квартирой;

без источников финансирования по всему Нечерноземью построить сеть современных автомобильных дорог; годовой уровень добычи нефти в следующей пятилетке довести до 750 млн т и т.д. Большинство этих заданий были не просто невыполнимы, но и фантастичны. К этому надо добавить кампанию по избранию новых директоров на общих собраниях коллективов. Одновременно «спукались» нескончаемые требования по реорганизации структуры министерств и предприятий, сокращению численности работающих. Создавалась такая ситуация, когда у большинства работников была поколеблена уверенность в завтрашнем дне. И это деморализующее состояние неуверенности длилось годами.

Во всей этой чехарде больше всего доставалось министрам — они еженедельно отчитывались в ЦК КПСС или Совете Министров СССР, там же получая новые задания. Затем наступил период (это, кажется, с конца 1987 года), когда за выполнение ежеквартально составленных мероприятий, по нашему министерству это были отдельные тома, переплетенные в внушительные фолианты, уже не спрашивали, а ограничивались поручениями по составлению планов все новых и новых мероприятий. Аппарат министерства, его центральные институты, ежеквартально выдавали их, как на конвеере.

Василий Александрович, который ценой невероятных усилий выправил положение в отрасли и в 1987 году добился рекордного уровня добычи в 624 млн т, приходил с заседаний Совета Министров СССР, Президиума Совета Министров расстроенный, собирал коллегию Министерства и уже без привычного воодушевления давал очередные задания к подготовке очередных мероприятий...

В эти же годы начала перестройки президенты США и СССР приняли решение об интенсификации деятельности Американо-Советского торговоэкономического совета (АСТЭС), созданного в соответствии с межправительственным протоколом от 1973 года. Работе Совета оба президента придавали большое значение и связывали с нею многие надежды экономической и технической перестройки советской промышленности, сельского хозяйства, сферы услуг. Была утверждена обширная программа перенесения в СССР американского опыта автомобилестроения, выпуска медицинских инструментов и препаратов, производства пищевых продуктов, организации производства зерна по новым технологиям с гарантированным высоким урожаем, создания предприятий быстрого питания (Макдоналдс), производства кино- и фотоаппаратуры, пленки, бумаги и сети печатания фотографий (система Кодак).

Самым же главным в этой программе являлось создание на одном из новых нефтяных месторождений СССР совместно с американской нефтяной компанией «Шеврон» высокоэффективного нефтедобывающего предприятия, оснащенного новейшими американскими технологиями и оборудованием, продукция которого должна реализоваться на мировом рынке, а полученная прибыль направлена на инвестирование всех вышеперечисленных проектов. Таким образом, коренным в этой обширной и ответственной программе был определен Миннефтепром СССР. Но именно в те же годы в нефтяной промышленности начались серьезные трудности с выполнением все возраставших заданий по добыче нефти. Мы уже за несколько лет до этого предвидели прекращение приростов добычи нефти. Причин этому было много, но главные включали серьезное отставание прироста запасов нефти, низкую эффективность открываемых месторождений против разрабатываемых, недостаточность выделяемых государством капитальных вло-

жений и материальных ресурсов для выполнения поставленных задач. Кроме того, обнаружилась неспособность подрядных строительных организаций выполнять в полном объеме даже недостаточно выделяемые капитальные вложения.

Таким образом, общая ситуация была такова, что реально имевшиеся запасы нефти не обеспечивали плановых объемов ее добычи и для программы АСТЭС. Ничего «готовенького» невозможно было предложить. В этой весьма сложной обстановке Василий Александрович предложил компании «Шеврон» для совместной разработки Харьягинское нефтяное месторождение, расположенное на границе Коми АССР и Архангельской области. Это большое многопластовое месторождение с разными характеристиками нефтей в каждом пласте. В наиболее мощных пластах, расположенных по глубине около 3000 м, содержание парафина в нефти достигало 20—30 %. С глубины 50—70 м от поверхности земли начиналась вечная мерзлота мощностью (толщиной) около 400 м.

Наша наука и практика не имели примера разработки аналогичного нефтяного месторождения. Откровенно говоря, мы порадовались представившейся возможности привлечь для его освоения на взаимовыгодной основе достижения Запада. «Шеврон» активно взялся за изучение имевшихся материалов и составление проекта. Через 9 месяцев нам было доложено, что по многовариантным расчетам компании добыча нефти на этом месторождении не может быть рентабельной и, следовательно, для решения поставленной задачи оно не подходит.

Требовалось предложить другие месторождения. После детального рассмотрения у Василия Александровича было принято решение предложить группу месторождений в Восточной Сибири — на севере Иркутской области. Но и здесь, по истечении 9 месяцев, «Шеврон» усомнился в рентабельности добычи нефти. Оценка «Шеврона» не вызвала с нашей стороны возражения. Но предлагая это месторождение, мы полагались на возможный неведомый нам высокотехнологичный подход американцев к его разработке, позволяющий существенно снизить затраты. Но увы...

И тут разразился скандал. Президент СССР вызвал к себе В.А. Динкова и буквально обвинил его в саботаже выполнения большой научно-технической и экономической программы, способной вывести нашу экономику на новый высокий уро-

вень... Предупредил Динкова, что если в течение одной недели он не внесет приемлемое предложение, будет снят с работы и наказан в партийном порядке. Это было в конце сентября 1988 года.

16 часов дня. Звонок мне по прямому телефону министра, он вызывает к себе. Захожу в кабинет, Василий Александрович сидит ссутулившийся, мрачный. Таким я видел его впервые. Он подробно рассказал о встрече с М.С. Горбачевым и остановил на мне вопрошающий взор.

И тут у меня возникло предложение. В те годы мы активно занимались вводом в разработку сложнейшего Тенгизского нефтяного месторождения в Западном Казахстане. Нефть залегала на глубине свыше 4500 м, газовой фактор составлял 600 мУт, причем газ содержал 25 % сероводорода и 25 % углекислого газа. Аномально высокое давление. Требовалось коррозионно-стойкое оборудование, трубы и т.д., чего в нашей стране не производилось.

Правительство СССР приняло решение закупить за рубежом комплект оборудования для первой технологической линии мощностью 3 млн т нефти в год, с последующей организацией производства аналогов в нашей стране и оснащением ими остальных линий (а их всего 12 по 3 млн т). Предполагали ежегодный ввод по 1 линии и завершение обустройства Тенгиза в 1999 году, с выходом на добычу 36 млн т в год. За 2—3 месяца до описываемого события рядом с Тенгизом было открыто Королевское месторождение с такими же характеристиками и показателями, как Тенгизское, но по запасам, видимо, в 2 — 3 раза меньше.

Я высказал Василию Александровичу убеждение, что к обустройству Королевского месторождения своими возможностями мы можем приступить лишь после окончания обустройства Тенгизского месторождения, не раньше 2000 года, и было бы правильным именно это месторождение предложить «Шеврону» для совместного предприятия, что на 10 лет ускорит его ввод в эксплуатацию и на согласованных условиях будет способствовать решению программы увеличения добыча нефти в стране.

Ответ министра Динкова был предельно краток — «все, принимается». Буквально через несколько минут он уже высказывал концепцию проекта:

1. Подготовленная нефть будет уходить на экспорт — это ясно.

2. Мы предложим в совместном проекте переработать попутный газ не только Королевского, но и Тенгизского месторождения — получим огромное количество сжиженного нефтяного газа и элементарной серы.

3. Эти продукты мы подадим в Кульсары и там построим комплекс нефтехимических производств, на котором с использованием собственного сырья организуем по технологической цепочке производство пластмасс, и из них широкий ассортимент различных потребительских товаров.

4. Из элементарной серы будем производить минеральные удобрения и поставлять сельскому хозяйству и на экспорт.

Это все позволит нам удержать и даже увеличить достигнутый нами уровень валовой продукции. Ведь добыча нефти неизбежно будет постепенно снижаться, а уровень валовой продукции нам надо удерживать...

Это динковское видение перспективы было облечено в предложение и внесено в Правительство. А тем временем, началась активная работа с «Шевроном». В конце первой недели специалисты «Шеврона» заявили нашим специалистам, что это то, что нужно...

Однако, к величайшему сожалению, удачно найденное решение через несколько месяцев было подменено. Случилось это во время визита М.С. Горбачева в США, где рассматривалось и исполнение ранее принятых решений. Накануне встречи двух президентов, уже в Вашингтоне, кто-то из приближенных Горбачева по каким-то мотивам предложил в проект протокола внести изменение — заменить Королевское месторождение Тенгизским, что и было сделано. Протокол был подписан и его опубликование вызвало глубочайшее недоумение у всех, кто занимался этой проблемой. У нас в прессе появилось много статей, осуждающих это решение, случившееся называли предательством интересов СССР. Авторы же внесенного изменения, используя свое очевидное околопрезидентское влияние в нашей прессе, организовали серию статей, утверждая, что предложение, мол исходило от самих нефтяников — «не то московских», «не то казахстанских»... Этот скандал в прессе не затихал вплоть до развала СССР. Василий Александрович очень тяжело все это пережил.

Пострадало же по моему глубокому убеждению дело. «Шеврон» много лет ничего не вкладывал в развитие Тенгиза, добыча шла с первой технологической установки мощностью 3 млн т нефти в год, построенной еще в 1989 году. За прошедшие 13 лет был лишь достроен нефтепровод Тенгиз — Новороссийск, 2/3 которого была построена до 1989 года.

Возвращаясь к восьмидесятым годам, хотелось бы подчеркнуть нараставшие трудности в выполнении планов строительно-монтажных работ с вводом в эксплуатацию новых мощностей. У строителей были свои трудности — не хватало металла, цемента, автотранспорта, строительной техники, наконец рабочих. Несколько лучше шли дела у тех министерств-заказчиков, которые оказывали помощь строителям, оперативно решали возникающие вопросы. Развитие нефтяной и газовой промышленности в значительной степени зависит от своевременно построенных производственных мощностей. Василий Александрович в своей многолетней интенсивной деятельности постоянно, совместно с подрядчиками, занимался строительством и пуском объектом. Он досконально знал проекты, оборудование, технологию монтажа и пуска. Умел держать под контролем вопросы проектирования, поставок оборудования, организацию пусконаладочных работ. Он пользовался огромным авторитетом у проектировщиков, строителей, монтажников разных подрядных министерств и особенно Министерства строительства предприятий нефтяной и газовой промышленности. Его слово для строителей было Законом.

Василий Александрович уделял большое внимание международным проектам, работе наших организаций по контрактам в зарубежных странах. Следует вспомнить наши контракты в Ираке, Сирии, Алжире, Индии.

Я дважды был с ним в командировке в странах Ближнего Востока и имел возможность наблюдать его незаурядные дипломатические способности. В январе 1988 года в Кувейте, где наша делегация находилась по приглашению министра нефти Кувейта, Эмир Кувейта при встрече в узком кругу с В.А. Динковым высказал желание его страны установить союзнические отношения с СССР, подчеркнув о возможности выделения СССР долгосрочного несвязанного кредита в объеме 7— 10 млрд долларов на очень выгодных условиях для использования нашей страной в заинтересованнных целях. Он дал понять

Динкову, что союзнические отношения между СССР и Кувейтом могут снять существующее напряжение между Ираком и Кувейтом. Вернувшись из поездки, Василий Александрович доложил руководству страны о предложениях Эмира Кувейта. К сожалению его доклад никаких последствий не имел. Кто знает, может быть сближение отношений между СССР и Кувейтом могло бы предотвратить нападение Ирака на Кувейт, не было бы «Бури в Пустыне», санкции ООН против Ирака и т.д. Возможно сегодняшний мир был бы другим...

Безусловной ошибкой было невключение В.А. Динкова в 1989 году в состав правительства СССР в качестве министра нефтяной промышленности. Он был здоров, деятелен, досконально знал нефтяную и газовую промышленность, мог предложить и настоять на принятии лучшей формы реформирования нефтяной промышленности, которая не привела бы к катастрофическому падению добычи нефти, объемов бурения, строительства, потере кадров, разбазариванию не введенных в разработку запасов нефти. По моему глубокому убеждению его назначение министром топлива и энергетики РФ помогло бы уберечь страну от разрушительного ущерба, причиненного чередой министров, не имевших даже отдаленного представления о работе топливно-энергетических отраслей и взявших на себя ответственность реформировать «важнейшую бюджетообразующую отрасль страны» через ее приватизацию.

Анатолий Тихонович ШАТАЛОВ

Первое знакомство с Василием Александровичем Динко-вым состоялось в 1969 году в Москве, куда с Украины со знаменитого Шебелинского месторождения Харьковской области я был приглашен на работу в аппарат вновь организованного Первого главного управления Министерства газовой промышленности СССР. За плечами годы учебы в Московском нефтяном институте, работа в Татарии, наработанный почти пятнадцатилетний стаж в системе Газпрома на старейших газовых месторождениях Татарии и Украины, наконец, буквально в преддверие нового 1969 года переезд в Москву на работу в Мингаз-

пром СССР. Ко времени интенсивного вовлечения в аппарат министерства специалистов непосредственно из предприятий Василий Александрович Динков уже руководил объединением «Кубаньгазпром» Мингазпрома в г. Краснодаре и, учитывая его огромный авторитет и потенциал, было понятно, что его переезд в Москву не за горами. До этого времени имя В.А. Динко-ва было хорошо знакомо газовикам. Слишком очевидными были успехи краснодарцев, с которыми он трудился с первых послеинститутских дней. Практически все основные научные и технологические решения разрабатывались и внедрялись в этом крае. Производственные успехи краснодарских газовиков подкреплялись и достижениями нарождавшейся там отраслевой науки, и нередкие совещания в Москве лишь подкрепляли мнение о незаурядных способностях профессионального руководителя — газовика, некогда главного инженера газопромыслового управления Краснодарского совнархоза, начальника Отдела добычи газа Краснодарнефти, затем Краснодарского управления магистральных газопроводов Главгаза СССР и, наконец, начальника Кубаньгазпрома. Признаться, никого из моих коллег, уже работавших в Москве, не удивило, что начальником вновь образованного Главного управления по добыче газа был назначен именно Василий Александрович. Этот вопрос в министерстве волновал многих и все понимали и отраслевое значение Главка, и недопустимость ошибки в выборе её руководителя. Он очень быстро и умело привлек к работе в Главке к тому времени надежно зарекомендовавших себя специалистов по разработке газовых месторождений: А.Г. Гудзя, В.А. Коновалова, Н.В. Петличенко, А.М. Шкута, В.А. Мысяки-на, А.И. Гуляева, Г.С. Гуляеву, Г.П. Сулеменкова и многих других. Их всех он знал по совместной работе в Краснодаре, и надо отдать должное интуиции Василия Александровича. Она его не подвела, это были и есть большие труженики и ведущие специалисты, сыгравшие в дальнейшем важную роль в формировании газовой промышленности нашей страны.

Здесь в Москве началась его неустанная и в высшей степени плодотворная руководящая деятельность в масштабе газовой промышленности страны. И эта деятельность подкреплялась все более надежной ресурсной базой. К этому времени в 1966 году было открыто крупнейшее в мире Уренгойское, а

следом крупнейшее в европейской части страны Оренбургское месторождение природного газа. Газовая промышленность страны переживала этап своего фантастического взлета. Один лишь прирост извлекаемых запасов газа в 1960-е годы превысил 25 трлн м^3, и геологи не только обещали, но и обеспечили новые открытия. Подводящее в это десятилетие черту, открытие Ямбургского месторождения в 1969 году открывало новые горизонты, предвещая новые открытия в следующем десятилетии. До 1960-х годов основной производственный опыт газовиков формировался на газовых месторождениях Кубано-Черноморского района, Саратовской области, Газли, Ставрополья, Шебелинки. Это были годы первых шагов газовиков нашей страны, затем организованного в 1956 году Газпрома СССР, который в 1957 году возглавил и решительно повел на новые свершения Алексей Кириллович Кортунов, назначенный в декабре 1965 года министром газовой промышленности. Звездой первой величины в его ближайшем окружении стал Василий Александрович Динков. Возглавляемый им Главк, вобравший и снабженческое подразделение, превратился в центр конструктивной творческой мысли, где в тесном сотрудничестве со строителями решительно поддерживались и неустанно генерировались, и немедленно воплощались в жизнь смелые инженерные новации. Нередко принципиальные организационные и инженерные решения рождались непосредственно на строящихся объектах. Все преимущества такого подхода в производственной деятельности подтвердились на первой же стройке при освоении месторождения Медвежье. И душой, и непосредственным участником этих начинаний был начальник Главгаздобычи. Надо отметить, что мирового опыта освоения столь гигантских месторождений попросту не существовало. Если же прибавить к этому требуемые жесткие сроки выполнения правительственных решений, то станет очевидным то повседневное напряжение, которое испытывал весь коллектив Главка, общепризнанно высшим авторитетом в котором было ответственное мнение В.А. Динкова.

Специалист огромных знаний, в быту он был очень скромным человеком. Я как-то обратил внимание на его потертую «авиационную» шубу, в которую он облачался с наступлением холодов в дни и месяцы бесчисленных командировок в Западной Сибири. Из года в год, на протяжении многих лет он не-

изменно появлялся в ней на трассах строек и на принимаемых объектах. На реплики коллег, — мол, пора бы и обновить, он неизменно объяснял все её «продуманные для летчиков полярной авиации» преимущества особенно в жестокие сибирские морозы; в летние месяцы головным убором ему служил непритязательный берет — головной убор сварщиков.

Сегодня, когда из уст руководителей государственной научно-технической политики в многочисленных телеинтервью мы слышим, что причиной нашей безликости в научно-техническом прогрессе является то, что «в стране нет инновационного цикла», невольно вспоминается В.А. Динков и когорта ведомых энтузиастов, осуществлявших реализацию этого самого «инновационного цикла» непосредственно на промышленном объекте. И правильнее было бы сказать, что в стране сегодня, по крайней мере в газонефтяной сфере, нет наделенного соответствующими полномочиями лидера масштабной инженерной мысли и творческого темперамента уровня Василия Александровича. И именно в этом может быть и кроится суть проблемы.

Из всех многотрудных испытаний, которыми были насыщены будни специалиста-газовика, пожалуй, самыми сложными оказались годы освоения Западной Сибири и создания на базе сероводородсодержащих месторождений крупных газохимических комплексов и, в первую очередь, Оренбургского газоконденсатного месторождения. В Оренбурге мы впервые встретились со сложными технологическими процессами, применяемыми в химической промышленности. Положение осложнялось тем, что оренбургский газ был насыщен сероводородом высокой концентрации и, что не могло не предвещать непредсказуемые последствия, при большой протяженности залежи обнаруживались значительные изменения концентраций сероводорода в различных её частях. Тяжелые последствия любой неосмотрительности здесь многократно возрастали. На практике получилось, что Оренбургский комплекс стал для нас не только символом высоких достижений наших геологов, разработчиков и делающей первые шаги газохимической науки. С освоением этого месторождения связаны и печальные границы истории отечественной газовой промышленности. Две серьезные аварии с человеческими жертвами грозили перечеркнуть складывавшуюся репутацию инженерно-технического персо-

нала этого уникального месторождения, открытие которого позволило не только увеличить извлекаемые запасы газа на 1,8 трлн м^3, но и обеспечить в начале 1977 года пуск в эксплуатацию крупнейшего Оренбургского газохимического предприятия по переработке более 45 млрд м^3 газа в год с получением свыше 180 тыс. т газовой серы.

Мне легко писать о В.А. Динкове еще и потому, что в своей министерской жизни я был в кругу специалистов, непосредственно работающих с ним, хотя Оренбурггазпром, где я пребывал в постоянных командировках, сроки которой растянулись без малого на пять лет, был в начальный период в ведении Первого главного управления во главе с Д. К. Гордеевым, Г.Д. Маргуловым. С приходом в руководство Мингазпромом С.А. Оруджева Оренбурггазпром оказался в ведении Ю.В. Зайцева, которого Сабит Атаевич пригласил из Миннефтепрома. Кстати, роль Ю.В.Зайцева и других руководителей, участвующих в освоении Оренбургского месторождения, имеет непреходящее значение в создании газохимической подотросли в газовой промышленности и требует отдельного повествования.

Когда в Оренбурге произошла серьезная авария, то в поисках истинной причины взрыва взоры всех обратились к Василию Александровичу, к его знаниям. Выбор был не случайным. Нештатность возникшей ситуации подкреплялась почти полным отсутствием отечественного опыта в освоении подобных месторождений. Здесь нужны были серьезные глубинные знания в таких областях науки и техники, как технология сварки, химия, машиностроение, металлургия...

И именно он остудил усердие руководителей специально созданной комиссии по расследованию причин и обстоятельств взрыва, решительно настроенных на обвинение тогдашнего руководства Оренбурггазпрома. Скрупулезно, шаг за шагом исследовав причины взрыва, В.А. Динков пришел к неопровержимым выводам об отсутствии вины эксплуатационников в аварии. Использовавшаяся технология сварки и качество работ не могли обеспечить надежную стойкость коррозионной агрессивности оренбургского газа. Вины эксплуатационников в этом — никакой. А ведь могла быть искорежена судьба немалого числа тогдашних оренбургских руководителей, возглавивших впоследствии газовую отрасль страны.

Обобщение опыта разработки Оренбургского месторождения в значительной степени облегчило решение такой сложной задачи, как ускоренное освоение Астраханского газоконденсатного и других сероводородсодержащих углеводородных месторождений в Прикаспийской впадине и Узбекистане, где в полной мере раскрылся инженерный талант заместителя министра, а впоследствии и министра В.А. Динкова.

Это правда, что после кончины С.А. Оруджева в желающих занять престижный кабинет недостатка не обнаружилось. Но правда и то, что для претендентов составить серьезную конкуренцию В.А. Динкову оказалось делом непосильным. Этим и объясняется то, что обычно сложный период смены руководства отраслью для газовой промышленности прошел абсолютно безболезненно. Разве что первый заместитель министра Дин-ков перешел из одного кабинета в другой. Но не изменился деловой и производственный ритм и, более того, отрасль во всеоружии встретила новое десятилетие славных для газовиков 1980-х годов.

Помнится всеобщее оживление сотрудников Мингазпрома в декабре 1984 года. Министру В.А. Динкову исполнялось 60 лет. Понятное дело, что хотелось сделать ему приятное. Оренбуржцы надумали заказать художнику портрет с фотографии. Надо отдать должное и инициаторам, и художнику, результат оказался достойным именинника. Доставленный накануне в Москву из Оренбурга портрет дожидался своей судьбы. А министерство тем временем облетела весть, что решением Президиума Верховного Совета СССР Василию Александровичу к шестидесятилетию со дня рождения присвоено звание Героя Социалистического Труда. К приятным чувствам прибывших в Москву оренбуржцев неожиданно прибавилась озабоченность. Их, казалось тщательно продуманный сюрприз, потребовал срочной доработки. Ночью, в гостинице накануне вручения портрета спохватились. На лацкане пиджака юбиляра должна непременно красоваться звезда героя. Не надо быть художником, чтобы понять, что масляная краска сохнет несколько часов. «Из-под земли» был найден художник, и к середине ночи под забавные комментарии, с привлечением коллективного творчества портрет был увенчан достойной наградой, вызвав всеобщее оживление коллег и товарищей по работе наутро в тот памятный декабрьский день.

Трудно было без огрехов и срывов одолевать столь, казалось, непомерное дело, как создание в огромной стране новой отрасли. Но не менее трудным нам казалось отвечать той высокой, никогда не снижавшейся планке требовательности, которая устанавливалась в кабинете у В.А. Динкова. Василий Александрович был лучше остальных технически подготовлен к серьезным и суровым требованиям, которые предъявляла жизнь каждому, кто волею судьбы оказался в рядах создателей не имевшей аналогов в мире газовой промышленности. Каждая встреча с ним требовала серьезной подготовки и предельной внутренней собранности. Чего он точно не воспринимал, так это сумбурных ответов на четко поставленный вопрос. С таким грамотным руководителем работать было не просто. Его инженерное превосходство было настолько очевидным, что «динковский почерк», «динковские знания» стали понятиями нарицательными.

В этой связи мне особенно памятны впечатления тех лет, когда он вызывал меня, уже главного инженера Главгаздобычи, и моих коллег на обсуждение проблем, решение которых он видел в конкретном ключе.

Было не просто поддерживать в себе его уровень понимания сути проблемы и ее решения. В конечном итоге, и это все понимали, всё перечисленное создавало атмосферу крайне интересного и полезного общения.

Небезинтересны подробности того, как он работал с исходящей документацией. Получая на подпись проект письма, он мгновенно погружался в его содержание. Непонравившийся абзац решительно перечеркивался и тщательным почерком, фраза за фразой, заменялся новой формулировкой. Письмо обретало окончательный вид и большую убедительность и логическую завершенность. И этому своему правилу Василий Александрович не изменял на протяжении всей жизни, и даже став министром. Министр, занимающийся правкой письма, было явлением редкостным. Письмо с припиской «Согласовано с Динковым» незамедлительно уходило в печать.

Это была строгая школа многосложной жизни и те, кто выдержал её уроки, выросли в классных специалистов. Говорить о безоблачности отношений, складывавшихся у меня с замминистра и министром Динковым, было бы преувеличением. Но, чтобы после серьезного и, отметим, небезосновательного «раз-

говора» с подчиненным Василий Александрович изменил к нему личное отношение, у меня такого не было и быть не могло. Более того, невзирая на нередкое несовпадение взглядов, он проявлял трогательную заботу о руководящем росте своих подчиненных. Его рекомендации таким образом определили судьбу многих из нас. Ветераны отрасли помнят, что когда решением правительства он был направлен в руководство Миннефтепромом, то именно его рекомендация во многом определила судьбу В. С. Черномырдина, назначенного министром газовой промышленности. Его рекомендация изменила и мою судьбу. Дело в том, что переводу Василия Александровича в Миннефтепром предшествовали разговоры о его выдвижении на высокую руководящую должность в Президиуме Совета Министров. Видимо этим объяснялась его настойчивая рекомендация моей кандидатуры в заместители министра по добыче газа, или в аппарат Совмина. Но события развились по иному сценарию, и в феврале 1985 года В.А. Динков возглавил Миннефтепром, где его руководящий талант через два года проявился в новых, до той поры невиданных достижениях нефтяников.

Если быть честным до конца, то газовая промышленность нашей страны, как инженерно-технический комплекс, обеспечивший надежную эксплуатацию богатейших в мире месторождений природного газа, во многом создана инженерным талантом именно Василия Александровича Динкова, инженером с большой буквы. При всех огромных достоинствах своих предшественников в руководстве отраслью и своих современников, он был и остался непревзойденным техническим специалистом. Возглавив Миннефтепром, а в последующие годы оставив министерское кресло, Василий Александрович по-прежнему стремился не терять связи ни с Мингазпромом, ни с теми мингазпромовцами, кто волею судьбы трудился на различных участках хозяйственной деятельности страны. Каждый из нас, проверенных суровыми испытаниями 1960—1980-х годов, продолжал ощущать его неутомимую деятельность и готовность к сотрудничеству уже в новом качестве, на новом этапе жизни реформируемой России. С начала 1990-х годов Василий Александрович возглавил созданное по личной инициативе российско-швейцарское предприятие «СЖС-Энергодиагностика», сосредоточившись всей силой своего огромного опыта на

решении проблем качества и надежности нефтегазовых объектов, их промышленной и экологической безопасности. Его предложения и соображения по экспертной оценке степени риска и предотвращению техногенных и антропогенных катастроф на нефтегазопромышленных объектах, по независимой экспертизе и диагностированию технического состояния подземных стальных трубопроводов обозначили рождение нового этапа во взаимоотношениях созданной им высокотехнологичной фирмы «СЖС-Энергодиагностика» с государственными организациями и отечественными и зарубежными акционерными предприятиями нефтегазового сектора. Высокая репутация Василия Александровича и глубокие инженерные знания обеспечили этому его предприятию прекрасную рекламу и повсеместное признание высококонкурентного исполнения договорных обязательств. Отмечу лишь один из многочисленных примеров успешного сотрудничества «СЖС-Энергодиагностика» с заказчиком в лице администрации Каспийского Трубопроводного Консорциума (КТК) по независимой экспертизе объектов Консорциума. В конечном счете именно выполнение всех предписаний этой фирмы в акте экспертизы обеспечили успешный пуск и надежную эксплуатацию КТК, что подтверждает высокую компетентность последнего периода работы Василия Александровича. Не менее важно и то, что, собрав под свое крыло разрозненных и разбросанных временем специалистов, он обеспечил им столь важные в переживаемых экономических условиях рабочие места. И эта его забота не может не быть отмеченной должным образом.

Говоря о достижениях деятелей отечественной науки, техники, литературы, мы часто упоминаем рождение школ, зарождение традиций. Примером может служить рождение талантом Толстого, Чехова, Достоевского, серебряного века нашей культуры в конце XIX века, рождение непревзойденной школы химиков, взращенных гением Менделеева, математической школы Колмогорова, наконец, школы нефтяников, Губкина и других. Имя Василия Александровича Динкова олицетворяет в этой связи создание новейшей школы специалистов нефтегазодобычи, школы, которая не утратила своей актуальностью и в наступившем XXI столетии. И наша святая обязанность сохранить эти воспоминания и донести их до новых поколений специалистов газовой и нефтяной промышленности.

Анатолий Васильевич ФОМИН

Без малого 35 лет я работаю в топливно-энергетическом комплексе страны, начиная со студенческой практики в годы учебы на геологическом факультете Казанского университета, с 1969 года. Принимал участие в освоении нефтяных и газовых месторождений севера Надым-Пур-Тазовского региона Западно-Сибирской нефтегазовой провинции, таких, как нефтяное месторождение Русское, супергигантское месторождение природного газа Заполярное, нефтяное месторождение Ноябрьское, а после окончания университета, с 1972 года и до декабря 1984 года трудился на предприятиях объединения «Архангельскгеология», треста «Татнефтегазразведка», Бугульминского управления эксплуатационного бурения нефтяных и газовых скважин. Предприятия управления были расположены в районе средней Оби у Нижневартовска. Встречался в невероятно сложных производственных условиях со специалистами различных возрастов, профессионального и руководящего опыта, но, пожалуй, самое сильное впечатление на меня произвела встреча с В.А. Динковым, точнее участие в селекторном совещании, которое вел новый министр. Но этому предшествовало несколько важных событий в моей трудовой биографии.

Жизнь в Бугульме и в условиях вахтового режима работа в Нижневартовске вконец расстроили семейный уклад, и я с семьей переехал в Нижневартовск, где прошел школу капремонта скважин. Я едва стал входить в атмосферу новой работы, как в декабре 1984 года министр Н.А. Мальцев издает приказ о крупном сокращении в отрасли — около 4 тыс. человек — в четырехмесячный срок. Ликвидационные работы ещё не закончились, а уже объявлен набор специалистов на ту же работу. Таким образом я оказался в 1985 году в Москве на двухмесячных курсах повышения квалификации. Помещение министерства напоминало потревоженный улей. На слуху лишь одно — пришел новый министр Василий Александрович Динков, и в отрасль вновь приглашаются специалисты. К работе в руководство отраслью приглашены такие опытные руководители и ученые, как Владимир Юрьевич Филановский, Минадора Макаровна Иванова и многие другие. С В.Ю. Филановским я познакомился на отраслевом совещании в Радужном в сентябре 1984 года. На этом совещании замзав отдела Госплана

СССР предпринимал невероятные усилия по выработке мероприятий по повышению добычи нефти, перспективы которой вызывали серьезные опасения у руководства страны. Комиссия, которую он тогда возглавлял, приняла довольно пространный перечень мероприятий, однако, в их осуществимость верилось с трудом. Встретиться с новым министром в Москве не довелось, и хотя из Москвы я возвращался главным геологом Нижневартовского УБР-1, меня, как и многих других профессиональных нефтяников не покидало чувство тревоги. Справится ли новый министр газовик с положением в нефтяной промышленности, в которой столько специфических «нефтяных» вопросов?

И вот, сидя в кабинете в Нижневартовске на упомянутом селекторном совещании, которое вел из Москвы министр, я и мои коллеги вдруг стали проникаться проблесками веры в возможность исправить тяжелое положение, которое переживала нефтяная промышленность. Почему-то это убеждение возникло после первых слов нового министра. На удивление непривычно, он говорил ровным, спокойным голосом и его грамотная, четкая речь и уважительная манера общения лишь подчеркивали твердость намерений руководителя, прекрасно разбирающегося во всех тонкостях нашего многосложного нефтяного дела. Начиналось совещание в привычном ритме знакомого сценария. Агеев докладывает министру ласкающие слух оценки ожидаемых цифр по добыче. Участники совещания удобно расположились с блокнотами на руках... И вдруг традиционный ход нарушается, и мы слышим спокойные слова В.А. Динкова:

«Виктор Гаврилович, Ваши цифры принимаю, но в них у Вас неточность — несовпадение с полученными от Вас данными в сводках...». Министр, не прерывая, выслушал объяснения и не повышая тона, заключил: «Если данные обоснованы, то принимаю, но первого числа нового месяца мы непременно к ним вернемся...». Это не шло ни в какое сравнение с практикой подобных совещаний в минувшие годы. В последующие годы, когда мы все в отрасли познакомились с его удивительными инженерными знаниями, нам стала понятна его спокойная, но твердая манера общения с подчиненными. Он очень быстро доходил до сути, и любая попытка приукрасить действительность терпела мгновенный провал, ставя инициатора в нелепое положение. Подобный урок дважды уже не повторялся. К при-

меру, когда несоответствия обнаруживал его предшественник, то, независимо от того, умысел это либо ошибка, человек попросту перечеркивался, и тут же на селекторном совещании на головы этих несчастных обрушивалась лавина обвинений, сопровождаемых суровыми административными мерами.

А тут иной разговор, мол, с доводами согласен, а селекторное совещание — не то место, где должны подсчитываться проценты, тонны, кубометры, а всем этим займемся и очень серьезно в конце месяца... тогда и поговорим...

По моему глубокому убеждению и мнению товарищей по работе, Василий Александрович взял верный тон в отношениях с подчиненными, и они поверили в возможность выхода из, казалось, безвылазного прорыва. Девизом времени стал повседневный целенаправленный труд людей, которых при решительной поддержке В.А. Динкова перестали отвлекать бесчисленным числом самых различных проверок. И уже через год результаты не замедлили сказаться. Важным было и то, что динковский почерк в руководстве стал обнаруживаться и у руководителей среднего звена. Все чаще слышалось: «Чудесных рецептов исцеления отрасли не существует, спасение лишь в повседневном настойчивом профессионально грамотном труде». Изменение атмосферы деловых отношений руководителей к подчиненным я почувствовал и в отношении к себе со стороны непосредственного руководителя, начальника объединения «Нижневартовскнефтегаз» Леонида Ивановича Филимонова. Личность неординарная, Л.И. Филимонов был назначен Н.А. Мальцевым на смену Маричева, которому по многим причинам не удавалось остановить все более ощутимое падение добычи нефти. А через несколько месяцев после назначения Л.И. Филимонова отраслью руководил уже министр В.А. Дин-ков. Моя первая личная встреча с Василием Александровичем состоялась в Нижневартовске в конце сентября и начале октября 1985 года. И личная встреча лишь укрепила то заочно сложившееся о нем мнение после первого селекторного совещания. В последующее время было много новых встреч с Василием Александровичем: в Москве на заседаниях коллегии, в Западной Сибири, а с переводом в Москву Л.И. Филимонова и моим назначением начальником НГДУ «Нижневартовскнефтегаз» в 1987 году встречи с министром ещё более участились. Это было время не просто перелома в нефтяной промышлен-

ности, но время её наивысших достижений. Приостановив падение добычи в 1986 году с результатом 615 млн т, нефтяники страны в 1987 году добыли 625 млн т нефти. Это достижение так и осталось непревзойденным. И значительную долю этого успеха обеспечили нефтяники Западной Сибири, в которой заслуженный успех выпал и нашему НГДУ.

Запомнился короткий отрезок времени в июле — августе 1989 года, в течение которого в Нижневартовске с участием В.А. Динкова проводилось отраслевое совещание по обсуждению опыта сквозного бригадного подряда в нефтяной промышленности. После совещания за обедом с Василием Александровичем я обратил внимание на его подавленное состояние.

И вдруг совершенно неожиданно я услышал от него горестное признание: «...Трудно доказывать, что ты не верблюд..., пора уступить место...». Было больно видеть этого уже по-настоящему полюбившегося незаурядного руководителя и человека в столь сложном душевном состоянии. Просветление наступило, когда он стал увлеченно рассказывать о внуках, о неожиданных вопросах деду. «Мол, а кем ты работаешь? Отвечаю: «Министром». «А сколько получаешь (?!)». Отвечаю. «А вот мастер техобслуживания дядя Ваня получает больше и ежедневно в семь вечера дома со своими внуками, а в субботу и воскресенье они гуляют по Москве, посещая театры, музеи, зверинец...» Наша беседа незаметно вернулась к производственной теме. «У тебя работают хорошие люди, дорожи ими...» Как выяснилось, это были последние дни В.А. Динкова — министра. Но буквально на последней министерской прямой, он ещё успел помочь нашему объединению. На следующий день с перерывом в несколько часов я прибыл в Москву в отчаянной попытке добиться выделения денег на остро необходимые капиталовложения. Василий Александрович принял меня незамедлительно, и через несколько минут я был у Лещинца с соответствующим напутствием министра получить безпроцентный кредит в сумме 3 млн рублей. Считающий каждую копейку Лещинец склонял разговор к трем процентам годовых... Я вновь к Динкову, телефонный разговор, а главное соответствующая подпись которого решила судьбу нашей просьбы.

Помню встречу с Василием Александровичем в 1990 году, после его ухода из министерства. Он принял нас с В.Ю. Филановским в офисе созданного по его личной инициативе совме-

стного российско-швейцарского предприятия «СЖС-Энергодиагностика». Встреча была теплой. По обыкновению, с сведенными дужками очков в руках, он давал безошибочную характеристику складывающемуся в нефтяной промышленности положению. Обида за происходящее уступила место оценке перспективы отрасли. Выражая растущую озабоченность состоянием промышленной безопасности нефтегазового комплекса, Василий Александрович ознакомил нас с тщательно продуманной им программой деятельности организованной им компании, актуальность деятельности которой не вызывала сомнения. Когда я поведал о заботах возглавляемого мною к тому времени объединения «Мегионнефтегаз», то он, как всегда спокойным тоном дал мне совет на всю жизнь: «Если уверен в своей правоте, добивайся своего..., но палки не перегибай, так как нередко на ответственных государственных постах оказываются люди с мелкой эгоистичной душонкой». Этому его завету следую всю жизнь. И случилось так, что через несколько недель я весьма успешно применил его на практике. Дело в том, что ещё в 1988 году стараниями министра В.А. Динкова мы добились постановления правительства о праве нефтедобывающих объединений на экспорт сверхплановой нефти с использованием валютной выручки на собственные нужды объединения. А проблем у западносибирских нефтяников было не мало. Люди жили в валках, около 2500 этих жилищ покрыли огромное пространство, ощущался недостаток в продовольствии, одежде и т.п. И все проблемы тупиковые, без целевых денег их не разрешить.

В поисках решения проблем я, вооружившись упомянутым постановлением правительства и справками о 500 тыс. т сверхплановой нефти оказался в кабинете у первого заместителя председателя Совета Министров Воронина. В приемной референт настойчиво напоминает о необходимости присутствия министра Л.И. Филимонова. Ожидания последнего безрезультатны. Референт непреклонен — без министра вход в кабинет закрыт. И, вспомнив, как я его называю, «завет Динкова», я перешел на решительный тон: «Извините, я действую в соответствии с постановлением правительства и что же, Вы предлагаете мне сообщить своему 28-тысячному коллективу, что постановление правительства это всего лишь ничего не значащая бумага?!» «Входи». Докладываю о сверхплановой нефти, предъяв-

ляю контракт с чехословацкой фирмой на поставку продовольствия, на стол — постановление правительства.

Услышав о нефти, хозяин кабинета звонит в Союзнефтеэкспорт. Всё вновь зависло... Но я был настойчив: «Постановление правительства принимается для проформы, исполнителей гоняют по кругу...». Наконец, долгожданная резолюция:

«Филимонову. В соответствии с постановлением правительства, разрешаю».

Подписал таки. И с занумерованной копией письма в руках и с чувством исполненного долга я покинул кабинет. Меня не покидало ещё одно чувство — мысленная благодарность Василию Александровичу Динкову за «завет» и незабываемая память в душе об этом выдающемся государственном деятеле.

Виктор Иоганесович ОТТ

Василий Александрович Динков — дважды министр Советского Союза, Герой Социалистического Труда, удостоен множеством правительственных наград и званий.

Мы, нефтяники Нижневартовска, увидели его в марте 1985 года, когда он приехал после назначения министром нефтяной промышленности СССР, сменив на этом посту Николая Алексеевича Мальцева.

Это были непростые для «Нижневартовскнефтегаза», других нефтегазодобывающих объединений Главтюменнефтегаза времена. Впервые нефтяная Западная Сибирь снизила добычу нефти, причем создавалось впечатление, что для многих в Тюмени и в Москве это было неожиданностью. Но ведь не менее трех лет на всех уровнях и во всех инстанциях об этом неуставая, «вызывая огонь на себя», говорил Маричев Федор Николаевич — генеральный директор производственного объединения «Нижневартовскнефтегаз».

Василий Александрович Динков услышал, а вернее, детально разобравшись в причинах кризисного положения, понял, что не леность и непрофессионализм тюменских нефтяников являются причинами спада добычи нефти. Истинные причины заключались в систематическом недофинансировании капитальных вложений в развитие производства, во ввод новых ме-

сторождений, в поддержание работающего фонда скважин, которые совокупно должны были обеспечить поддержание тех темпов добычи нефти, которые определялись планами.

В Нижневартовске всегда было более чем достаточно представителей Главтюменнефтегаза, Миннефтепрома, народного и партийного контроля, нам грех было обижаться на их невнимание. Чаще всего их функции сводились к выявлению наших недоработок и не заходили дальше поиска «кого наказать».

Проблемы, как мне кажется, были не в Мальцеве, Кузоваткине, Булгакове и Маричеве, проблемы были в Госплане, Совмине и ЦК КПСС, где не желали либо страшились признать те негативные тенденции, которые явно уже существовали, и пытались «единым хлебом» накормить всех, а хлеб этот испечь из нефтедолларов.

Василий Александрович после своего посещения нефтяной Западной Сибири командировал во все объединения рабочие группы специалистов (не очередных проверяльщиков) для разработки стратегических и тактических мер по выводу отрасли из кризиса. Меры эти не надо было выдумывать и сочинять, следовало внимательно осмыслить и проработать всё то, что уже было наработано в объединениях и вместе решить сколько это может стоить, сколько разумно нужно и можно получить и расставить приоритеты. Причем единого рецепта для каждого объединения быть не могло, хотя диагноз был достаточно общим. Все зависило от степени запущенности развившейся «болезни» у каждого «пациента». Были определены три главных направления:

восстановление неработающего фонда скважин с реконструкцией и развитием всей инфраструктуры подземного и капитального ремонта скважин;

внедрение самых передовых и эффективных методов повышения нефтеотдачи пластов;

ввод новых месторождений, свежих запасов нефти.

И результат не замедлился сказаться, тенденция снижения добычи нефти была переломлена.

Без сомнения сработал и авторитет Василия Александровича в верхних эшелонах тогдашней власти.

Заслугой В.А. Динкова было и то, что ему удалось, а я думаю, что это было непросто, привлечь к решению этих задач Владимира Юрьевича Филановского — Зенкова в качестве пер-

вого заместителя министра и назначить его «куратором» «Нижневартовскнефтегаза».

Нельзя не сказать слова благодарности всем нефтяникам Советского Союза, которые направили в Нижневартовск более ста бригад подземного ремонта с полным оснащением для вывода из бездействия неработающего фонда скважин. Все без исключения генеральные директора производственных объединений не единожды приезжали в Нижневартовск с целью организации эффективной работы этих бригад и не относились к этому как к отработке «барщины». Спасибо им всем за эту помощь.

Особое место в «Нижневартовскнефтегазе» занимал уникальный газлифтный комплекс, созданный в основном в 1981—1985 годах. Достаточно сказать, что «газлифт» обеспечивал более 25 % добычи нефти по Самотлорскому месторождению. Каждый «чих» газлифтного комплекса больно сказывался на суточной добыче нефти.

Василий Александрович, имея богатейший практический опыт компримирования газа в Министерстве газовой промышленности СССР, был абсолютным профессионалом по эксплуатации газовых компрессорных станций.

Об этом красноречиво говорит такой случай. В один из приездов Василия Александровича в Нижневартовск была организована поездка на действующие газлифтные компрессорные станции Самотлора. Наряду с японскими и французскими компрессорными станциями была введена КС-3, оборудованная отечественными компрессорными агрегатами, изготовленными в Казани. Чего греха таить, нахлебались эксплуатационники на этой станции. Ремонт, очистка и переборка компрессоров были поставлены на «поток». Из шести агрегатов два-три были перманентно в ремонте. В чем-то там просчитались конструкторы, и компрессора закоксовывались очень быстро.

Так вот, как раз в этой поездке мы были на КС-3. Валериан Назарович Миронов — начальник Нижневартовского управления по внутрипромысловому сбору и компримированию газа, докладывая об эксплуатации газлифтного комплекса отметил проблему нагарообразования на компрессорах отечественного производства. Василий Александрович внимательно выслушал доклад. И каково было наше удивление, когда он пред-

ложил подавать на прием компрессоров подсолнечную шелуху, которая должна будет сдирать нагар.

Нужно быть не просто грамотным инженером, нужно быть профессионалом высокого класса, чтобы до таких тонкостей знать технологию работы компрессорной станции.

В 1987 году, после того как Леонид Иванович Филимонов недавно назначенный руководителем Нижневартовскнефтегаз был переведен на работу в министерство газовой промышленности в ранге первого заместителя министра, мне было предложено возглавить производственное объединение «Нижневартовскнефтегаз».

Это было очень непростое время для «Нижневартовскнефтегаза». Темпы отбора нефти были запредельными, резко начала расти обводненность скважин, катастрофически не хватало капвложений на ввод новых месторождений, которые находились за сотни километров от Самотлора и Мегиона, значительно снизилось качество нового нефтепромыслового оборудования, снижались объемы бурения и ввод новых скважин, кратно возросла аварийность трубопроводных систем, особенно Самотлора.

Специалисты работали на износ, не хватало ремонтного персонала и так далее и тому подобное.

Было правилом, что я один-два раза в неделю докладывал напрямую Василию Александровичу или Владимиру Юрьевичу положение дел по Объединению.

Свидетельствую, что какие бы не были проблемы и выставляемые мною вопросы, я ни разу не услышал окрика или повышенного тона со стороны Василия Александровича Динкова. Я всегда был выслушан, получал советы и помощь.

В этом смысле характерен один пример. В Нижневартовске подходило к завершению строительство Дома техники. Необходимо было решить вопрос получения материала для наружной отделки здания.

Ленинградскими архитекторами было предложено использовать специально изготовляемые для этих целей алюминиевые панели. Проблема заключалась в том, что на получение этого материала требовалось разрешение Совета Министров СССР (Главснаба Совмина). Василий Александрович решил этот вопрос, и мы начали получать материал. Каково же было моё положение, когда архитекторы и строители сообщили мне о том,

что они просчитались и алюминия не хватает. Я был в шоке, понимая, что никто, кроме Василия Александровича этого вопроса не решит и понимая, что я невольно создаю сложности в его отношениях с Главснабом. Но и эта проблема была решена без окрика и надрыва, хотя положительных эмоций она не доставила никому.

Затем наступил «черный» для меня сентябрь 1988 года. В Сургуте было проведено совещание всех западно-сибирских нефтяников, по окончанию которого собравшихся «уведомили» о дополнительных планах по добыче нефти, предусмотренных Главтюменнефтегазом и министерством в целом.

Этим дополнением предполагалось увеличить за квартал до конца года план по добыче нефти Нижневартовскнефтегазу на 5 млн т. Такие же «добавки» в несколько меньших объемах были предложены Сергею Викторовичу Муравленко (Нефтеюганскнефтегаз) и Олегу Николаевичу Яковлеву (Варьеганнеф-тегаз).

Я и О.Н. Яковлев не согласились с этими предло жениями и вскоре были отправлены в отставку, как тогда говорили за «непонимание политики партии и правительства». Для чего я это рассказываю? Для того, чтобы ещё раз акцентировать внимание на человеческих качествах Василия Александровича. Для объявления решения о моей отставке меня пригласили в Москву на беседу к министру. Я уже понимал, о чем будет идти речь.

Василий Александрович сказал примерно следующее: «Виктор Иванович, я не смогу тебя защитить от Тюменского обкома КПСС, который настаивает на твоей отставке. Предлагаю тебе поехать в длительную зарубежную командировку. Заодно и немного отдохнешь от ритма Нижневартовска. Выбирай — Вьетнам, Индия, Куба». Я согласился на Кубу, поскольку там была школа-десятилетка, а моя младшая дочь перешла в 9 класс.

После Кубы были Казахстан (Тенгиз), Тюмень (НПО «Тюменнефтегаз»), Москва (Ассоциация Роснефтегаз, Минтопэнерго, Роснефть, еще раз Минтопэнерго). Но это тема отдельная.

Наши встречи с Василием Александровичем в Москве не носили систематического характера. Но на каждой из них, он с болью и горечью говорил о разладе и кризисе в нефтяной от-

расли, о разобщенности нефтяников и «старых», и «новых». И мне кажется, что это подтачивало его здоровье.

Завершу свои воспоминания встречей с Василием Александровичем Динковым в Канадском городе Калгари в 2000 году. Василий Александрович был участником XVI Мирового нефтяного конгресса в составе делегации Газпрома.

Василий Александрович пригласил меня на товарищеский ужин и мы провели с ним несколько незабываемых часов в кругу семьи работавшего в Канаде зятя Александра и дочери Наташи.

Во время беседы он вновь и вновь возвращался к событиям истории нефтяной и газовой промышленности, нефтегазостроения. Мы останавливались на переломных этапах развития этих отраслей, с которыми связана жизнь каждого из нас; на отдельных личностях, с именами которых были связаны памятные успехи нефтяников, газовиков и строителей. О многом говорил с нескрываемой болью. В этих воспоминаниях он был весь. Объективный, отзывчивый и добрый Человек, требовательный и жесткий в оценках Профессионал.

Пусть память о Василии Александровиче Динкове будет вечной в сердцах нефтяников и газовиков.

Владимир Иванович ХАЛАТИН

С Василием Александровичем Динковым я относительно ближе познакомился в Москве в 1962 году в помещении Глав-газа СССР на улице Кирова. Он получал новую должность начальника Краснодарского управления магистральных газопроводов. До этого времени у нас были кратковременные встречи в дни моих командировок в Краснодар, куда, будучи главным инженером Московского управления магистральных газопроводов, я прибывал для выяснения нередко возникавших производственных проблем между нами — крупными потребителями газа и краснодарцами — все более значительными его поставщиками. Предметом наших обсуждений были проблемы качества получаемого в Москве газа и довольно частые недоразумения, вызванные расхождениями в учете отгруженного и полученного в Москве газа. После 1962 года наши встречи стали

принимать все более регулярный характер и нередко состоялись в помещении по месту моей работы. Надо отметить, что с каждой новой встречей я проникался к нему все большим интересом, не скрывая своего искреннего удивления его инженерными знаниями и необычно откровенной манерой весьма точных оценок истинных причин возникавших в Газпроме недоразумений. Необходимо отметить, что по тому времени московское управление было, без преувеличения, крупнейшим в мире центром, регулирующим транспортные потоки природного газа, которые из года в год неуклонно возрастали. Высокое руководство, увлеченное увеличением объема добычи и потребления природного газа, уделяло несопоставимо малое внимание важным вопросам его промысловой подготовки. Это создавало дополнительные трудности у транспортников, вызывая их все более решительные нарекания и нежелание мириться с складывающейся ненормальной обстановкой.

С организацией Министерства газовой промышленности СССР в декабре 1965 года мы встретились с Василием Александровичем уже сотрудниками аппарата министерства. Я был назначен главным инженером главка по транспорту газа, а В.А. Динков с апреля 1966 года — начальником Главгаздобычи. По сути дела это были два тесно связанных между собою главка, от двуедино слаженной работы которых зависил успех отрасли. И хотя первоначально мы располагались по обе стороны улицы Кирова, наши встречи с постоянными совместными обсуждениями каждого проекта обустройства все новых и новых месторождений и сооружения линейной части проводились главным образом в кабинете Василия Александровича. А в количестве проектов недостатка не было. Новые месторождения поражали колоссальными многопластовыми разведанными запасами при неблагоприятном расположении в суровых климатических условиях. Фактически мы приступали к работе по освоению месторождений, с которыми мировая практика не встречалась, и отсутствие прецедента порождало горячие споры специалистов, каждый из которых отстаивал свою собственную точку зрения. Укомплектованное В.А. Динковым Главное управление по добыче газа в основном представляло специалистов из Краснодара, среди которых достойны упоминания специалисты высокой квалификации, такие как Гудзь, Шкута, Мысякин. Их появление в министерстве безусловно ук-

репило коллектив. Вместе с тем в аппарате министерства оказались и люди, не совладавшие ни с масштабом многосложного производства, ни с масштабом многократно возросшей ответственности. О них сегодня упоминать не хочется, так как в конечном итоге не их уровень квалификации определял общее состояние дела. Утверждать о безоблачности отношений, которые складывались между нашими главками было бы некоторым преувеличением. Конфликт был заложен в самой природе отношения высокого руководства к этим двум важнейшим производственным участкам Мингазпрома, а точнее недостаточностью финансирования на первом этапе нашей общей деятельности. По-прежнему корнем зла были вопросы подготовки газа, требующие значительно больших капиталовложений. Причин некачественной подготовки особенно на старых месторождениях газа было более чем достаточно, и не в последнюю очередь создавшееся положение было прямым следствием ставшей традиционной перегрузки технологического оборудования при его абсолютно необходимом обновлении.

Недостаточное финансирование сдерживало модернизацию безнадежно устаревшего технологического оборудования, что существенным образом тормозило требуемое развитие газовой промышленности. Довольно часто наша общая работа переносилась непосредственно на месторождения и трассы будущих трубопроводов, где в тесном взаимодействии со строителями рождался, совершенствовался и реализовывался проект обустройства месторождения и сооружения магистральных газопроводов. В нередко возникавших между нами жарких спорах безупречным и безошибочным судьей выступал наш общий куратор Михаил Васильевич Сидоренко, великолепная личность с уже сложившейся прочной репутацией крупного специалиста и опытного руководителя.

Он пользовался непререкаемым авторитетом в каждом из наших Главков, но, что было особенно важно, с его мнением очень считались строители. В Мингазпроме его считали Главным инженером министерства и для нас с В.А. Динковым он являл собою яркий пример. Думаю, что профессиональный рост Василия Александровича в значительной степени связан с влиянием именно этой личности.

В наших принципиальных и порою бурных спорах с В.А. Динковым поражало и выручало многообразие знаний Ва-

силия Александровича, и неудивительно, что в 1970 году он был назначен заместителем министра. Впоследствии решением нового министра С.А. Оруджева проблемы транспорта и добычи газа перешли от М.В. Сидоренко в ведение В.А. Динкова. Это была ключевая и в высшей степени ответственная должность в министерстве и она требовала не только инженерных знаний, но и знания людей. Как москвич, я владел значительно большей информацией о сотрудниках и их исполнительских способностях, и Василий Александрович был очень внимателен к моим рекомендациям и характеристикам специалистов, особенно, когда речь шла об их возможном выдвижении на более высокую должность. Мы не имели права на ошибку и в этом важном вопросе, так как слишком велика была ответственность. Василий Александрович умел быть внимательным слушателем, когда речь заходила о некоторых тонкостях трубопроводного транспорта газа. У нас были продолжительные беседы по этой проблеме моей инженерной специальности и работы и меня всегда приятно удивляло его мгновенное восприятие предмета обсуждения. Его внимательному отношению к профессиональной информации и не иначе, как впитыванию любой, достойной внимания технической и технологической новизны можно было позавидовать. Через шесть-восемь месяцев Василий Александрович возглавил создание Единой системы газоснабжения страны, изначально решительно поддержанную А.К. Кортуновым. Понятно, что подобная привлекательная идея рождается не в одночасье и осеняет не одну творческую натуру и не одного масштабно мыслящего специалиста. Но безусловно то, что эта, казавшаяся на поверхности и побуждающая амбициозные претензии на приоритет, идея именно В.А. Динковым была глубоко и всесторонне осмыслена и с использованием обширных знаний облечена в стройную и жизнестойкую систему. Безошибочно ориентируясь в технике и технологии и уже завоевав репутацию надежного руководителя, он решительно возглавил реализацию этого грандиозного проекта, оказавшего и продолжающего оказывать огромное влияние на всю стратегию развития газовой промышленности нашей огромной страны тех лет и стран сегодняшнего Союза независимых государств.

Не обойти молчанием и одну черту характера Василия Александровича. У окружавших коллег она вызывала неоднознач-

ную реакцию и смешанные чувства. Речь о его дотошности в вопросах обсуждения различных технических предложений и, что самое неожиданное, о последующей личной перепроверке исполнения согласованных решений. Независимо от того, занимал ли он должность начальника главка, замминистра и даже министра, этому своему, на всю жизнь усвоенному правилу «доверяй, но проверяй», Василий Александрович так и не изменил. Его настырность рождала у части сотрудников чувство беспокойства и пусть и не оправданную, но все же нервозность. И все понимали и не исключали, что после доклада исполнителя о выполненном поручении, на местах, далеко от Москвы раздастся руководящий телефонный звонок и голос Динкова потребует обстоятельного сообщения о достоверности доложенных ему сведений. И сотрудники вновь и вновь убеждались в неизменности сложившейся практики. Опытные коллеги, наученные жизненным опытом, понимали вынужденность этой меры, ибо любой промах или ослабление исполнительской дисциплины в нашем взрывоопасном деле таили куда более тяжкие последствия. И все же их подчас не покидало ощущение неуютности. Помню о впечатлении, которое он произвел на австрийцев в дни нашего совместного пребывания в Австрии в мае-июне 1984 года вместе с немалочисленной советской делегацией на памятных торжествах, посвященных десятилетию с начала экспорта природного газа в эту страну. На традиционный вопрос любезных хозяев руководителю делегации в те годы министру газовой промышленности СССР В.А. Динкову, мол с чем Вы пожелали бы ознакомиться в дни пребывания в Австрии, изумленные австрийцы услышали длинный перечень пожеланий, включающий практику осуществления геологоразведочных работ, бурение глубоких скважин, промысловую подготовку газа и его переработку, подземное хранение газа, транспорт... Хозяева не успевали записывать, становящийся все более внушительным длинный перечень интересующих министра проблем для их включения в программу пребывания в стране высокого гостя... В последний день нашей командировки перед прощанием ко мне подошел знакомый австриец с недоуменным вопросом: «...Слушай, как Вы с ним работаете? Он ведь всё знает!». Надо отметить, что особенный интерес В.А. Динкова вызвал австрийский опыт подземного хранения природного газа. Эта проблема навеяла

мне и более ранние воспоминания, связанные с приходом к руководству министерством Сабита Атаевича Оруджева. На одном из первых заседаний Научно-технического совета с новым министром в конце 1972 года с сообщением о необходимости развития практики подземного хранения газа и увеличения объемов бурения на подземных хранилищах выступили главный геолог министерства В.Г. Васильев и В.А. Динков. После сообщения поднимается С.А. Оруджев и произносит буквально следующее: «Вам, видимо, нечем заниматься... вот Вы и придумали проблему... не слишком ли это расточительное удовольствие. В нефтяной промышленности ведь обходятся без подземных хранилищ и сосредоточены на создании мощностей. Хранилищем же газа можно использовать отработанные месторождения».

В наступивших прениях у меня хватило смелости возразить министру, мол «Сабит Атаевич, Вы не правы...». Чувствуя свою правоту, поддержку коллег и В.А. Динкова, я все более подробно стал излагать преимущества и неизбежные огрехи использования этой технологии. Когда же я остановился на неизбежности безвозвратной потери части закачанного в хранилище газа, это буквально взорвало министра: «Как?! Да тебя за это к стенке...». После такого заявления министра впору было думать о смене работы, но помогла поддежка товарищей по работе и в их числе поддержка В.А. Динкова.

Правда по истечении времени С.А. Оруджев кардинально изменил свое отношение к этому вопросу, став деятельным сторонником этой технологии.

С Василием Александровичем всегда интересно было находиться в загранкомандировках, так как программа пребывания в стране, как правило, включала посещение интересных промышленных объектов. Как и в Москве, он был поглощен лишь делом, помнится в дни пребывания в Швейцарии, где в Лозанне состоялся очередной Всемирный газовый конгресс, по просьбе Василия Александровича мы посетили производственные цеха крупной турбостроительной фирмы, продукция которой использовалась на наших газопроводах. К окончанию посещения одного из цехов мы обратили внимание на суетливость сотрудника внешних связей министерства Н. Белого, настойчиво напоминавшего В.А. Динкову, мол нужно вручить хозяевам привезенный из Москвы подарок. Поглощенный ин-

тересом к новой фирменной продукции, Василий Александрович, по обыкновению, пропустил это малозначительное для него напоминание мимо внимания. Но второе-третье упоминание об этом вызвало у него весьма оригинальную реакцию: «Слушай, отвяжись... в конце концов, если это так важно, вручай подарок сам...». Он был в высшей степени чистоплотен и слово «подарок» его явно раздражало.

Но конечно же, значительно чаще я выезжал с ним в командировки по стране. География была обширной. Западная Сибирь, Коми АССР, Среднеазиатские республики, Закавказье. Особенно запомнилась инспекционная поездка в Закавказье, куда мы прибыли, обеспокоенные ходом выполнения наших обязательств по выполнению Советско-Иранского межправительственного соглашения о поставках иранского газа в СССР. У руководства Мингазпрома вызывали беспокойство темпы сооружения компрессорной станции в Кази-Магомеде, районном центре Азербайджана. Эту станцию по кооперационному соглашению со странами Совета Экономической Взаимопомощи (СЭВ) строили специалисты из Болгарии. Возникшие споры о сроках пуска объекта упирались в претензии болгарских строителей к оплате их труда. Нашу делегацию из Москвы они встретили с заведомо согласованной позицией и готовы были отстаивать её всеми силами, не поддаваясь никаким уговорам. Каково же было их изумление, когда с вескими контраргументами к ним обратился заместитель министра газовой промышленности СССР... на чистейшем болгарском языке. Надо было видеть в этот момент выражения их лиц... Они безоговорочно согласились с предложенными сроками и достойно сдержали данные обещания.

Василий Александрович вне всякого сомнения был неординарной личностью, но ему порою, как мы говорили, не хватало мудрости сглаживать отношения с некоторыми своенравными хозяйственными руководителями, пришедшими в руководящую производственную деятельность из могущественной партийной иерархии. Мы наблюдали, как не складывались у него отношения с министром строительства предприятий нефтяной и газовой промышленности Б.Е. Щербиной, бывшим секретарем Тюменского обкома партии. А сбить принципиального В.А. Динкова с сложившейся точки зрения было попросту невозможно. И новый министр газовой промышленности

С.А. Оруджев прикладывал немало личных стараний, склоняя Б.Е. Щербину к признанию авторитета Динкова и уважительному к нему отношению. Я был свидетелем разговора, когда на раздраженный вопрос Щербины: «Зачем газовикам столько компрессорных станций?», — Оруджев глубокомысленно ответил: «Раз Динков говорит, значит надо...». И в этом не было преувеличения. Мы работали с Василием Александровичем в Мингазпроме вместе до 12 февраля 1985 года. Со следующего дня он возглавил Министерство нефтяной промышленности СССР. И до последнего дня нашей совместной работы не утихали наши споры по различным проблемам развития газовой промышленности. Правда, когда он стал заместителем министра, а затем и министром газовой промышленности, я понимал неуместность спора и тем не менее высказывал свою точку зрения на решение той или иной проблемы. Выполнение же указания руководителя сомнению не подлежало. Хотелось бы отметить, что при всем различии взглядов наши споры никогда не выходили за рамки дозволенного в отношениях между двумя специалистами, озабоченных поиском наилучшего инженерного решения конкретных технических проблем, и никогда не доходили до сведения наших общих руководителей.

Говоря о В.А. Динкове, следовало бы отметить ещё одну сферу деятельности, в которой совершенно неожиданно для нас проявилась его жизненно важная для всего персонала министерства организаторская деятельность. Он задумал и при полной поддержке С.А. Оруджева организовал на местах целую сеть крупных сельскохозяйственных подсобных предприятий — высокоспециализированные животноводческие фермы с племенным скотом и птицефабрики, которые были оборудованы современными цехами по переработке продукции животноводства и птицеводства. Сказались незабытые навыки молодого председателя колхоза первых послевоенных лет в Краснодарском крае. Благодаря дотированию, установленная на эту продукцию цена была чисто символической. Это было время, когда прилавки продовольственных магазинов были пусты, а зарплата служащих не позволяла пользоваться предложением рынка. Четко налаженные систематические поставки продовольствия на сложном этапе нашей истории позволили многочисленному персоналу министерства, ученым отраслевых научных учреждений и другим не только выжить, но и не утратить

работоспособность. И это достижение я ставлю столь же высоко, как и открытие крупного месторождения природного газа. Сегодня обидно слышать, что эта некогда высокопродуктивная деятельность во многих регионах окончательно развалилась.

Помнится, в самом начале 1990 года мы встретились с Василием Александровичем в Полтаве на расширенном совещании членов Всесоюзного научно-технического общества. Собрались нефтяники, газовики, переработчики. Бывшие и действующие руководители нефтяной, газовой, нефтеперерабатывающей промышленности СССР В.А. Динков, Л.Д. Чурилов, Р.И. Вяхирев и другие. Повсюду узнаваемые лица. В один из дней, меня с участником совещания, директором ВНИИгаза А.И. Гриценко пригласил на вечер начальник Полтавского управления Мингазпрома и Гриценко предложил: «А не пригласить ли нам и Динкова?». Сказано — сделано. Через некоторое время мы были уже в гостинице нефтяников, где остановился Василий Александрович. Наше предложение нежелавшие отпускать В.А. Динкова нефтяники встретили «в штыки»: «Не дадим», — и этим всё сказано. Однако, он их уговорил — «Всё же в душе я газовик и с этим ничего не поделаешь». Этому трудно было возразить. При всем своем многогранном таланте руководителя, он больше всего сделал для становления и развития именно газовой промышленности, оставив в сердцах газовиков незабываемую и благодарную память.

Олег Максимович ИВАНЦОВ

Как мне помнится, с Василием Александровичем Динковым мы в 1966 году почти одновременно перешли на работу в Министерство газовой промышленности.

Правда, «перешли» это слишком демократическая, вольная трактовка этого факта. Министр Алексей Кириллович Кортунов назначил В.А. Динкова начальником Главного управления по добыче газа, а меня заместителем начальника Первого главного управления. Уже после подписания приказа пояснил мне:

«Вы ученые позапрятались в институтах, а мне нужен человек, который бы командовал всеми новыми прогрессивными делами и сидел в министерстве». Выбор пал на меня.

Раньше, до работы в министерстве, я не был знаком с Василием Александровичем. Наши главки располагались в одном здании на Кирова, 22. Естественно, встречались. Слушал его выступления на коллегии, на технических совещаниях. Всегда было одно и то же впечатление — профессионал высокого класса, нравилась манера поведения обстоятельного, строгого, но доброжелательного человека.

Пожалуй, более близкое знакомство возникло, когда Первому главному управлению передали все функции по трудному Оренбургскому газоконденсатному месторождению. Получилась неправомерная ситуация. В.А. Динков отвечает за добычу газа по всем месторождениям Советского Союза, кроме Оренбурга. Это вносило целый ряд неудобств в планирование, распределение материальных средств, проведение единой технической политики.

Усложнились взаимоотношения руководителей главков, и тогда я стал единственным приемлемым звеном, через которое с Главгаздобычей координировались действия по добыче газа в Оренбурге.

В это время возникли доверительные отношения с Василием Александровичем, которые не нарушались до конца его жизни.

Одна из самых ярких страниц деятельности В. А. Динко-ва — создание Единой системы газоснабжения страны (ЕСГ). Уже будучи министром газовой промышленности он сам занимался решением важнейших технических вопросов, касающихся газотранспортных магистралей большого диаметра. Следует напомнить, что трубопроводы диаметром 1220—1420 мм составляют 60 % по протяженности ЕСГ. Под его председательством работал своеобразный совет, коллоквиум по газопроводам большого диаметра, на котором обсуждались проблемы металлургов по изготовлению высококачественных труб, защите трубопроводов от коррозии, созданию строительной и сварочной техники для прокладки газопроводов в экстремальных условиях, разработке отечественных газоперекачивающих агрегатов большой производительности с высоким КПД.

Было интересно участвовать в заседаниях этого совета. Можно было смело высказывать свои суждения, предложения, которые не всегда вязались с представлениями начальства.

Именно на этих советах чувствовал огромную инженерную эрудицию и интуицию В.А. Динкова, его -желание находить истину, оптимальные решения. Здесь коллегиально и решалась техническая политика по трубопроводным делам.

Но еще ближе я познакомился и сумел оценить высокие качества Василия Александровича как специалиста и человека, когда началась совместная работа по Межгосударственной научно-технической программе «Высоконадежный трубопроводный транспорт». Решением глав правительств России и Украины академик Б.Е. Патон был назначен руководителем Координационного совета по этой программе, Василий Александрович и я — его заместителями.

Огромный опыт и глубокие знания В.А Динкова позволяли находить самую актуальную проблематику для программы, приглашать нужных исполнителей, ученых и организации.

Мы много спорили при обсуждении законченных исследований, подготовленных нормативных документов на заседаниях Координационного совета. Это были действительно творческие дискуссии. Василий Александрович был немногословным человеком, но его лаконичные суждения отличались продуманностью и точностью.

На нашу долю и на долю директора ассоциации «Высоконадежный трубопроводный транспорт» профессора В.Т. Скляра приходилась основная работа по программе. А на программе были завязаны десятки организаций, сотни ученых и специалистов.

Работа по программе нас подружила и в деловом, и в человеческом плане. Василий Александрович не очень открытый человек, но теперь он с удовольствием рассказывал о внуках, дочери и сыне, замечательная семья и во главе ее самый большой и верный друг — Галина Петровна.

В памяти остались прекрасные вечера, когда после заседаний Координационного совета Б.Е. Патон, почетный член совета Н.К. Байбаков и мы с Василием Александровичем оставались посидеть вместе за накрытым столом, вспомнить события дней минувших.

Как память о деятельности по программе — выпущенные нормативные документы, разработанные новые технологии, трубы для сероводородосодержащих газов, новые методики и материалы для защиты трубопроводов от коррозии и многое другое.

В сотрудничестве В.А. Динкова с Б.Е. Патоном и научными редакторами было издано 16 выпусков Свода правил по сооружению, магистральных трубопроводов, Свода правил для выбора труб для газопроводов и нефтепроводов.

Создание этой библиотеки нормативных документов потребовало непосредственного участия В.А. Динкова. Каждое принципиальное новое технологическое положение обсуждалось, приходилось доказывать его правомерность в Госгортехнадзоре, Госстрое. В этих организациях авторитет В.А. Динкова был непререкаем.

Когда В.А. Динков возглавил Тендерный комитет ОАО «Газпром», он пригласил меня быть экспертом, отдавал на рассмотрение сложные, спорные заключения других экспертов по тендерной документации. И опять мы обсуждали и спорили теперь уже по экспертным заключениям, но всегда приходили к согласию.

Василий Александрович до конца своих дней возглавлял советско-швейцарскую инжиниринговую фирму «СЖС-Энергодиагностика». Он и меня пригласил быть экспертом на этой фирме. Поручал на рассмотрение самые сложные проекты, вроде перехода газопровода через Черное море — «Голубой поток». По всем самым трудным вопросам всегда можно было посоветоваться с Василием Александровичем и получить верную подсказку.

Многому мы научились, да и возраст обязывает к пониманию непреходящих ценностей в жизни.

Вот только ценить своих товарищей, друзей и воздавать им должное при жизни так и не научились.

В этой связи хотелось бы подчеркнуть, что Василий Александрович был сполна наделен этой, все более редко встречающейся особенностью человеческой натуры. И ее проявления были самые неожиданные. Помню, как ко дню рождения я подарил ему собственноручно написанную картину и был польщен, что она была вывешена на видном месте в квартире, оттеснив, в художественном отношении более значительные подарки гостей, занимавших куда более высокое положение в стране.

«Ваша картина мне дороже», — подчеркнул он, прочтя в моем благодарном взгляде понятные чувства товарища, к тому же увлекающегося художественной живописью.

Жил на белом свете прекрасный, скромный, цельный человек — Василий Александрович Динков. Умница, великий знаток своего дела, труженик.

Посмотрите, сколько реализованных огромных дел, проектов в топливно-энергетическом комплексе им содеяно.

Страна не голодает, ее кормят, поят нефть и газ. Велика в этом заслуга Героя Социалистического Труда, в прошлом министра газовой промышленности, министра нефтяной промышленности — Василия Александровича Динкова.

Борис Евгеньевич ПАТОН

Моя первая встреча с Василием Александровичем Динковым состоялась, когда он уже был министром газовой промышленности СССР. На одном из заседаний Правительства по делам трубопроводным я с ним и познакомился. Министр запомнился обстоятельным профессиональным докладом, спокойной реакцией уверенного в своей правоте человека на острые замечания.

В ту пору продолжалась техническая революция в газопроводном транспорте, и он стоял во главе решения сложных проблем создания неслыханных до сих пор мощных трубопроводных систем большого диаметра.

Василий Александрович часто обращался в Национальную академию Украины, Институт электросварки Е.О. Патона по проблемам изготовления отечественных труб большого диаметра, в Институт кибернетики по вопросам поиска оптимальных решений по управлению газовой промышленности, по участию в расследовании аварийных ситуаций на трубопроводах.

Он не преминул воспользоваться этим опытом, и когда в 1988 году случилась катастрофа под Уфой на продуктопроводе широкой фракции углеводородов. Василий Александрович уже в ранге министра нефтяной промышленности СССР обратился с просьбой в Институт электросварки помочь разобраться в ее причинах. Обобщив опыт исследования, он выступил одним из инициаторов создания союзной научно-технической программы «Высоконадежный трубопроводный транспорт».

После распада Советского Союза это оказалась, пожалуй, единственная научно-техническая программа союзного масштаба, которая выдержала испытание временем. Руководители вновь образованных государств понимали важность обеспечения надежной и безопасной работы трубопроводного транспорта и утвердили в новой редакции межгосударственную научно-техническую программу «Высоконадежный трубопроводный транспорт».

Как только Василий Александрович освободился от бремени министра, он был приглашен в Программу и утвержден председателями Совета Министров России и Украины в качестве заместителя руководителя Координационного совета. Почти до конца своей жизни он оставался верен работе по Программе. В руководстве Координационного совета реализовывались его уникальные знания и огромный опыт в области нефтяной и газовой промышленности. В рамках Программы разрабатывались нормативные документы, наиболее сложные проблемы трубопроводного транспорта.

Василий Александрович досконально разбирался в каждом вопросе, помогал их решать.

Его знания и бескомпромиссность, человеческая добропорядочность вызывали огромное уважение. С большой ответственностью Василий Александрович принимал важные технические решения. С его непосредственным участием создана целая библиотека различных нормативов, в том числе «Правила сооружения газопроводов», «Правила выбора труб для нефтяной и газовой промышленности». По этим документам выбирают трубы и строят в настоящее время все газопроводы на территории России и стран СНГ. Это был его последний творческий вклад в любимое дело, в развитие газовой промышленности.

Василий Александрович был удивительно простым в общении, доброжелательным и обязательным.

Скромность этого большого человека такова, что о многих чертах его яркой биографии узнал только после его ухода из жизни.

Больше всего запомнились вечера, когда после очередного заседания Координационного совета вместе с Василием Александровичем, почетным членом совета Н.К. Байбаковым и профессором О.М. Иванцовым подводили очередные научные ито-

ги деятельности по Программе, а потом вели неспешный душевный разговор, вспоминая дела минувших дней.

Светлая память о Василии Александровиче Динкове — организаторе газовой и нефтяной промышленности, замечательном человеке надолго сохранится в сердцах его коллег и товарищей по совместному труду и в грандиозных свершениях топливно-энергетического комплекса нашей, некогда общей, страны и сегодня поражающих глубиной инженерной мысли и непревзойденным масштабом.

Иван Спиридонович НИКОНЕНКО

С В. А. Динковым мне довелось познакомиться в середине 60-х, когда он возглавлял Главное управление по добыче газа.

Я в ту пору работал в службе автоматизации и КИПа Шебелинского месторождения, обеспечивающего добрую четверть общесоюзной добычи природного газа. В то время здесь переходили с кустовой на более прогрессивную групповую систему сбора газа с лучевыми шлейфами, что затрагивало и средства автоматизации. Для решения различных производственных вопросов мне доводилось бывать в Москве на улице Кирова, 13, где располагалось Министерство газовой промышленности, а в соседнем с ним здании под номером 22 находилось Главгаздобыча.

Василий Александрович проявлял большой интерес к внедрению на Шебелинке методов интенсификации добычи, и у меня с первой же личной встречи сложилось о нем впечатление как об очень грамотном, широко и творчески мыслящем специалисте. В его вопросах проявлялось детальное знание производственных проблем. Это впечатление еще больше окрепло после его выступлений на совещаниях в министерстве, где мне порой тоже доводилось бывать. Чувствовались очень солидная производственная школа, пройденная на Кубани, богатейший опыт практической работы.

А вскоре судьба вновь свела меня напрямую с В.А. Динковым. Но было это уже за тысячи километров от столицы на Пунгинском месторождении, в Западной Сибири, куда отрасль призвала меня, как и многих, для освоения первых открытых

здесь газовых кладовых. По решению правительства тогда спешно строился газопровод Игрим — Пунга — Серов для подачи природного газа с Березово-Игримской площади на промышленный Урал. Сроки ввода газовой магистрали были жесткими, а тут как на грех ЧП! При испытании и продувке газопровода на переходе через реку Пунга образовалась гидратная пробка. Тут же в Пунгу прилетели В.А. Динков и ряд других работников министерства. «На орехи» досталось всем, в том числе и нам, промысловикам. Я, было, выступил за справедливость, что у нас, мол, все в порядке, но Василий Александрович меня и слушать не стал. «Ты, брат, здесь как председатель колхоза, потому и отвечаешь за все», — сказал он мне, тогда заведующему промыслом.

Меня это сравнение удивило и, признаюсь, даже обидело, пока не узнал, что Динков сам в прошлом был председателем колхоза и в короткий срок сумел захудалое хозяйство вывести в передовые. Урок тот запомнился мне надолго. Понял, что у всех нас, газовиков, дела в порядке только тогда, когда газ в полном объеме поступает потребителю. Все мы — одно целое.

Вспоминаю, как позже, в 1972 году будучи главным инженером Игримгаза, проходил переподготовку на курсах в Москве. В составе нашей группы директора и главные инженеры головных предприятий отрасли, люди, как говорят, битые и тертые, дело знающие. И надо было видеть, с каким вниманием все слушали Василия Александровича, когда он, уже заммини-стра отрасли, пришел к нам на занятия.

Его выступление нам всем запомнилось и доскональным знанием проблем, стоявших перед производственниками, и умением просто и понятно раскрыть пути совершенствования технической политики и структурных преобразований в отрасли и масштабностью его мышления. С какой охотой и щедростью он делился с нами своими знаниями и опытом! И как они пригодились нам в самом ближайшем времени!

Уже с 1972 года на газовом Севере начался невиданный разворот работ.

При освоении крупнейшего по тому времени месторождения Медвежье пришлось решать грандиозные задачи по налаживанию добычи газа, его подготовке и транспорту, и все это в необжитой местности, в условиях многолетней мерзлоты. Сроки освоения месторождения предельно сжатые, объемы

добычи колоссальные и, естественно, темпы работ головокружительные, такие, что день с ночью путался.

Конечно же, и правительство страны, и руководители отрасли оказывали нам большую помощь: для ускорения хода работ были закуплены по импорту комплектные промысловые установки, обеспечивались оперативные поставки необходимого оборудования и материалов, направлялись опытные специалисты. Практически постоянно у нас находился кто-либо из руководителей отрасли: министр А.К. Кортунов, а затем сменивший его С.А. Оруджиев, их заместители В.А. Динков, А.Г. Гудзь, Ю.П. Баталии.

И тем не менее проблем нам, производственникам, хватало. Ведь Медвежье фактически стало полигоном, где ставился впервые гигантский научно-технический эксперимент, когда множество вопросов в совершенно новых экстремальных условиях приходилось решать на грани риска. Впервые внедрялся блочный метод строительства, когда возведение объектов в значительной мере превращалось в сборку уже готовых узлов, использовалась кустовая система расположения и разбуривания скважин, одновременно с монтажом и наладкой импортного оборудования осваивался опыт его эксплуатации, внедрялись собственные разработки.

Тут-то и пригодилась школа, пройденная нами под руководством опытных наставников, к которым с полным правом отношу В.А. Динкова. Эта школа обеспечила освоение месторождения в установленные правительством сроки, помогла вырасти и таким известным в отрасли специалистам и руководителям как Ю.И. Топчев, В.В. Ремизов, Р.С. Сулейманов, Л.С. Чугунов, А.Г. Ананенков, В.И. Кононов. Что касается меня, то, начав здесь работу начальником производственно-диспетчерской службы газопромыслового управления, я вскоре был назначен главным инженером производственного управления «Надымгазпром», а в 1978 году стал руководителем только что организованного Уренгойского производственного объединения по добыче газа.

На 70-е годы Уренгойское месторождение оценивалось примерно в половину всех разведанных запасов природного газа в СССР. О темпах его освоения можно судить по первой промысловой установке. Монтаж ее оборудования был начат летом 1977 года, а вступила она в эксплуатацию уже в апреле

1978 года. И такое ускорение работ опять-таки не обошлось без В.А. Динкова. Дело в том, что первоначальный проект разработки месторождения, уже одобренный министром С.А. Оруджевым, базировался на не апробированной турбодетандерной схеме. Имел этот проект и множество других каверзных «подводных» камней.

Нелегко доказать несостоятельность решения, одобренного руководителем отрасли. Нам с Е.Н. Алтуниным — тогда начальником Тюменгазпрома, с техническими расчетами в руках пришлось многих переубеждать, обратиться за поддержкой и к заместителю министра Динкову. С его помощью была принята эффективная технология освоения месторождения с сооружением установок комплексной подготовки газа (УКПГ), позволяющая использовать скважины и технологическое оборудование большой единичной мощности. В итоге производительность промысловых установок последовательно возросла от 7,5 до 15—25 млрд $м^3$ в год.

Вспоминается и такая ситуация. Строители и монтажники, используя комплектно-блочный метод, сооружают очередную УКПГ с опережением графика, а буровики отстают: у нас работает лишь одна организация Тюменбургаза. А без скважин, понятно, новые установки не запустишь. Мало того, скважины если и бурятся, то с нарушением технологии, что может в дальнейшем обернуться авариями. И хотя бурение — не моя «епархия», я, помня слова Василия Александровича, что руководитель в ответе за все, обращаюсь к нему, как к министру с просьбой своевременно исправить ситуацию.

Динков вызвал меня в Москву, внимательно выслушал и тут же пригласил к себе М.И. Агапчева — заместителя министра, курирующего буровые работы. Тот прямо от дверей на повышенных тонах ко мне: «Что Вы лезете не в свое дело..!». Василий Александрович кулаком по столу: «Прекратите истерику! Серьезные вопросы не криком решают». И ко мне: «Высказывайте свои предложения».

Я доложил, что на Уренгое мы уже дошли до глубинных пластов — валанжина и сеномана и бурить надо порядка миллиона метров. Тюменбургазу в одиночку с такой задачей не справиться. В результате отставания буровиков строители потеряют темп, и постановление ЦК партии и правительства будет сорвано. Между тем, на Кубани и на Украине у бурови-

ков имеются свободные силы. Используя их, можно создать мощный буровой кулак и своевременно исправить положение.

Динков к Агапчеву: «У Вас есть принципиальные возражения против предложенного варианта? Нет? В таком случае готовьте к заседанию коллегии проект постановления».

Решение было принято, и отставание буровиков в строительстве скважин ликвидировано.

Василий Александрович не терпел бесхозяйственности, во всем любил порядок и любое его нарушение принимал близко к сердцу. В период эпопеи активного сбора металлолома после критической статьи «Металл в тундре» в газете «Правда», появилась подобная заметка и в газете «Социалистическая индустрия». В ней корреспондент, ссылаясь на слова Р.В. Хворостяновой, одного из лучших уренгойских операторов, утверждал, что на Уренгое разворовано пять буровых станков. В тот же день звонок от Динкова:

— Что там у тебя происходит? Как это станки разворовали?

— Да ерунда это, Василий Александрович, — отвечаю. — Корреспондент что-то перепутал. Все наши станки в работе. И не могла Хворостянова ему такую чушь сказать.

— А ты с ней разговаривал по этому поводу?

— Признаться, нет, — говорю. — Да я в ней и так уверен.

— Это тебя не украшает как генерального директора. Ты должен все знать досконально. Разберись и если напечатано вранье, пусть корреспондент напишет опровержение.

Выполнить это распоряжение оказалось не просто. Злополучного корреспондента мы едва разыскали. Он находился под приличным подпитием и так и не смог объяснить, откуда он взял эти данные.

Динков не уставал повторять, что в работе газовика не бывает мелочей. Блестяще владея технологией добычи, подготовки и транспорта газа, он свободно разбирался в любых, порой самых сложных, проблемах. Внимательно их рассматривал и умел принять самое оптимальное и взвешенное решение. Ошибок виновным не прощал, но всегда был справедлив и объективен. На моей памяти при нем не прошло ни одного авантюрного решения. Он не боялся брать на себя ответственность. Характерен в этом плане эпизод, произошедший с ним в 1970 году, в пору назначения его заместителем министра. На нем от-

ветственность за транспорт газа. Как сам Василий Александрович рассказывал, рабочий день он проводил в кабинете, а вечером обычно, запасшись любимыми пирожками с ливером, шел в Центральное диспетчерское управление (ЦДУ) проследить за работой системы газоснабжения. Тогда вводилась в эксплуатацию магистраль Вуктыл — Ухта — Торжок и надо было на одном из участков трубу спрессовать. И совпало, что в это же время требовалась опрессовка на газопроводе Средняя Азия — Центр. Не делать — сорвешь пуск магистралей, а делать опрессовку одновременно — риск, вдруг трубы порвутся. Решили в интересах дела рискнуть. И случилось по закону подлости: порвалась нитка на газопроводе Средняя Азия — Центр, а через час произошел разрыв на Ухте. Причем на Ухте порвалось серьезно — разворотило весь крановый узел.

Дальше приведу рассказ самого Динкова.

«Узнав о случившемся, ко мне в кабинет тут же пришел Оруджев, стал упрекать: зачем, мол, пошел на такой риск. Я ему: «А если бы в разное время порвалось, что было бы лучше? Только времени на восстановление ушло бы больше. А теперь ясно, и там и там надо все быстро сделать». Я собрал оперативные бумаги, купил пирожков и ушел в ЦДУ. Стали там с ребятами подсчитывать, на сколько хватит оставшегося в трубе газа. Подсчитали: в два часа ночи подача газа в Москву прекратится. Восстановить газопроводы к утру не успеют. Значит надо отключать химию, металлургию...

Позвонил председателю Госснаба СССР и заместителю председателя правительства В.Э. Дымшицу, доложил о ситуации. Он спросил, когда мы сможем восстановить подачу газа. Не раньше середины дня. «Что ж, отключай, — говорит, — только на меня не ссылайся. Пока наверху разберутся, как раз середина дня и будет. Успеете к этому времени, то вывернешься».

Отключили. За ходом восстановления следим постоянно. В 9 утра звонок из ЦК партии: «Что у вас произошло?» Объяснил. «Отрывать от дела не будем, — говорят, — Работайте, но счет времени идет на минуты, не забывайте об этом.»

Ребята на трассе не подвели. К обеду подача газа была восстановлена. Напряжение спало. И тут звонит С.А. Оруджев: «Ты где?» — спрашивает.

— Как где? В ЦДУ. Все сделали, восстановили.

— Звонили тебе?

— Да. И из правительства, и из ЦК.

— И что?

— Ничего. Объяснил ситуацию. Люди все восприняли нормально.

Позже я зашел к Сабиту Атаевичу и откровенно высказал ему, что человек должен работать и не бояться, что его руководитель отстранится при неприятностях. Разговор повлиял — министр стал доверять моим решениям.»

После того, как не стало Оруджева, министром газовой промышленности был назначен Динков. Этот период начала 80-х характеризовался разработкой еще одного гиганта газодобычи на Севере — Ямбургского месторождения.

Расположенное в Заполярье оно осваивалось вахтово. Уренгой и Надым стали его базовой основой, и мы оказывали всемерную помощь. Министра тогда заботило налаживание добычи и транспорта с этого и ряда других вновь открытых месторождений, повышение эффективности работы. По его инициативе были проведены преобразования в структуре центрального аппарата министерства с организацией ряда главных управлений по транспортировке и поставкам газа. За период работы В.А. Динкова на посту министра газовой отрасли объем добычи вырос на 30 % и достиг 600 млрд м^3 в год, был налажен транспорт газа по сверхдальним газопроводам большого диаметра, в том числе трансконтинентальной магистрали Уренгой — Помары — Ужгород.

В 1985 году в сложный период для нефтяной промышленности Динков был назначен ее министром. Встречаться мне с ним приходилось редко, так как он со всей своей энергией полностью отдавал себя улучшению деятельности этой отрасли.

После выхода на пенсию Василий Александрович продолжал работать, и мы с ним часто виделись, особенно когда он возглавил тендерный комитет по строительству газопровода Ямал — Европа. Я к этому времени стал руководителем акционерного общества «Газавтоматика», образованного на основе всесоюзного научно-производственного объединения. Участие в создании систем управления, связи, телемеханики для указанной магистрали было бы почетным заданием для Газавтома-тики. Василий Александрович при рассмотрении тендерных предложений был, как всегда, принципиален, отдавая предпоч-

тение тем, кто бился за работу, а не за деньги. А ведь в тот период были и надуманные организации, специалисты которых не имели должной квалификации. Всеми правдами и неправдами они стремились добиться выигрыша в тендере. Их останавливало веское мнение В.А. Динкова. Нам он доверял, поскольку знал вклад специалистов Газавтоматики в автоматизацию производств, в развитие отраслевой информационно-управляющей системы. Но не обошлось без замечаний и предложений. Следуя его рекомендациям, мы создали консорциумы с рядом отечественных и зарубежных фирм для оперативного, комплексного выполнения работ. В результате тендер на создание автоматизированной системы управления технологическими процессами газопровода Ямал — Европа мы выиграли совместно с фирмой «Сизека», а в работах по автоматизации магистрали «Голубой поток» сотрудничаем с фирмой «Сименс».

В декабре 2002 года В.А. Динкову исполнилось бы 78 лет. Его жизнь вместила и военные годы в действующей армии, учебу и полувековой период, отданный развитию топливно-энергетического комплекса страны. Наш святой долг сохранить память об этом талантливом организаторе производства, крупном хозяйственном руководителе, жизнерадостном и добром человеке.

Виктор Евгеньевич БРЯНСКИХ

Мое знакомство с Василием Александровичем Динковым состоялось в его бытность начальником Главного управления по добыче газа в начале 1970 года. В предверие обсуждения вопроса организации министерской службы вычислительной техники необходимо было заручиться важной поддержкой руководимого им Главка. В ходе подготовки к заседанию Коллегии я обратился к Василию Александровичу за поддержкой. Получив пакет наших предложений, он немедленно направил его с соответствующей резолюцией на рассмотрение главному инженеру Анатолию Григорьевичу Гудзю. И тут возникла совершенно непривычная ситуация. Специалист высокой квалификации А.Г. Гудзь, не задерживая бумаги, расписался в решительной поддержке предложений, о чем я был немедленно про-

информирован. Когда же окрыленный успехом в предвкушении окончательного согласования вопроса я вошел к В.А. Дин-кову, доложив ему о положительном отношении к проблеме главного инженера, то к своему удивлению вдруг услышал:

«Давай обсудим проблему подробно, в деталях...». И вооружившись логарифмической линейкой, он приступил к детальному ознакомлению с подготовленными к заседанию Коллегии материалами. Пункт за пунктом, страницу за страницей мы прошли весь проект. Одна из задач требовала не только автоматизировать получение статистической справочной информации, но и использовать моделирование конструкции газопроводов и их расчетов... И хотя вопросы были узкопрофессиональные, Василий Александрович, тем не менее, проявил завидную компетентность. В конце того же 1970 года В.А. Динков стал заместителем министра и на повестку дня была вынесена реализация одного из крупных проектов Средняя Азия — Центр. Я вновь стал свидетелем того, как несмотря на уже имеющиеся положительные отзывы, он с поразительной настойчивостью, верный, видимо раз и навсегда установленному для себя правилу, приступил к дотошному рассмотрению проекта. При этом он отводил себе роль оппонента, требующего доказательности по каждой позиции. Мы начинали привыкать к складывающемуся порядку вещей.

С приходом в отрасль многоопытного Сабита Атаевича Оруджева, руководителя с сложившейся репутацией в высших эшелонах власти, востребованность знаний В.А. Динкова лишь возросла. Стратегическое мышление С.А. Оруджева и взвешенность в выборе путей достижения общегосударственной цели естественным образом дополнялись глубокими инженерными знаниями неутомимо работоспособного В.А. Динкова. В бюрократической государственной системе тех лет важнейшим вопросом отраслевого министерства был вопрос планирования его финансово-хозяйственной деятельности. Сама техника принятия решения Госпланом СССР требовала от представителя министерства недюжинных способностей неизбежного противопоставления всесилию центрального планирующего органа, убедительных контраргументов в защиту отстаиваемой позиции. И, как это не может показаться неправдоподобным, Мингазпрому удавалось добиваться корректировок, казалось незыблемой позиции «Господина Плана». И основная заслуга в

этом принадлежала В.А. Динкову. Оппонентом ему в Госплане выступал всегда вооруженный весомыми аргументами-контр-аргументами Борис Иванович Ксенз. Для руководящих работников отраслей топливно-энергетического комплекса страны это имя было более чем многозначительным. У Б.И. Ксенза всегда был свой сценарий развития газовой промышленности, который нередко не совпадал с предложениями отраслевиков. В многотрудных и высокоответственных дискуссиях с ним позиции Мингазпрома защищал достойный оппонент, и результатом нередко бурных обсуждений всегда был достигнутый компромисс. Стороны приходили к общему инвестиционному знаменателю, оптимальной технической политике и глубоко продуманной внешнеэкономической стратегии. Особенно наглядно это проявилось в 1971 году при окончательном выборе южного направления маршрута магистрального газопровода проекта обустройства газового месторождения Медвежье, выдвинутого Ю.П. Баталиным и В.А. Динковым. И это при том, что принятие северного варианта считалось уже делом предрешенным. Доводы В.А. Динкова всегда отличала безупречная убедительность глубокой инженерной проработки вопроса. Шла ли речь о защите позиции министерства в Госплане СССР, об оппонировании автору той или иной технической идеи или о защите собственных технических доводов перед членами Коллегии либо перед министром. Он был неоспоримо убедителен и жил завидной жизнью увлеченного своим трудом человека. В конечном итоге Василий Александрович сосредоточил в себе не только планирование, но и реализацию проектов, включая решение бесчисленного множества проблем материально-технического снабжения, контроль деятельности строителей и приемку сдаваемых ими объектов. Детальное владение всей полнотой входящей в отрасль производственно-технической информации позволяло заместителю министра Динкову осуществлять руководство и координирование всей многотрудной деятельности огромного производственного механизма газовой промышленности. Он был не просто удобен министру Кортунову и министру Оруджеву. Они, такие разные в жизни, были на редкость единодушны в оценке удивительного инженерного дарования своего заместителя и в отношении к нему. Сегодня, по истечении времени можно с полной уверенностью утверждать, что достижение тех феноменальных результатов,

которые стали реальностью в годы максимального напряжения сил строителей и эксплуатационников объектов газовой промышленности в ином, отличном от того времени отношении, было бы немыслимым. Сегодня самая богатая фантазия с трудом представляет саму возможность сооружения и сдачи в эксплуатацию до 70 компрессорных станций и до 10 тыс. км магистральных газопроводов в год. А ведь речь идет о реальных свершениях 1970-х годов, к величайшему и до конца неосознанному счастью современников, спасших сегодняшнюю Россию.

Василий Александрович уделял особое внимание новой технике и технологии. Одна из постоянно занимавших его проблем — оптимизация рабочего давления в магистральном газопроводе — привела его к мысли о повышении его до 100 атмосфер. Его оценки и суждения по этому вопросу опережали время. Сегодня, когда по истечении времени мы имеем участки газопроводов с давлением в 84 и 100 атмосфер, а на повестке дня реализация проекта «Голубой поток» по сооружению газопровода под Черным морем в Турцию под давлением в 250 атмосфер, мы имеем дело с воплощенной либо воплощаемой в реальность революционной инженерной мысли Василия Александровича о газопроводах будущего. Он всеми силами приближал этот технологический прорыв, настойчиво указывая отечественным и зарубежным поставщикам труб для магистральных газопроводов эти новые ориентиры. Такие мировые производители газопроводных труб большого диаметра, как германская «Маннесман» и итальянская «Италсидер» всегда с заинтересованным вниманием относились к рекомендациям Василия Александровича, черпая в них высокоавторитетные суждения о перспективах развития трубопроводного транспорта природного газа.

К концу 1970-х годов Василий Александрович владел всей полнотой инициативы по формированию в стране Единой Системы Газоснабжения, неоспоримые преимущества которой нашли свое подтверждение в суровую зиму 1978—1979 годов, когда была предотвращена реальная угроза нарушения поставок природного газа на огромные территории юга страны. Это было время тяжелых испытаний для всей отрасли и в первую очередь для В.А. Динкова. К повсеместно наступившим лютым морозам прибавилось прекращение поставок газа из Ирана, откуда он регулярно поступал в объеме 10 млрд м^3 в год

(30 млн м^3 в сутки) в соответствии и советско-иранским соглашением. Новая иранская власть разорвала экономические отношения с нашей страной. В создавшихся в стране тяжелейших условиях газоснабжения необходимо было принятие срочных, глубоко продуманных мер по изменению направления газовых потоков. Это были дни и недели суровейших испытаний всего министерства и его руководства на зрелость в условиях небывало морозной зимы при нарушенном балансе поставок газа потребителю. К угрозе прекращения поступления газа в квартиры прибавилась и угроза прекращения его подачи на электростанции, где все интенсивнее в качестве резервного топлива использовался природный газ. Зона неотвратимо надвигавшегося бедствия охватывала юг страны, Кавказ и Закавказье. Василий Александрович срочно вылетел на трассу. Все эти дни я находился рядом и был непосредственным свидетелем и участником предпринимавшихся чрезвычайных мер в обстановке, больше напоминавшей военную. Мы объездили всю трассу Кази Магомед — Казах — Моздок — Тбилиси. Эта вынужденная инспекция еще раз воочию убедила в уникальности результатов труда строителей и эксплуатационников. Трасса, которая пересекла Кавказ с юга на север, не имеет аналогов в мировой практике ни по мощности, ни по высотным отметкам. При всех, казавшихся непреодолимыми, возникших сложностях Василий Александрович ни на минуту не утратил самообладания. Его безошибочная оценка ситуации и четкие указания по оперативному восстановлению газоснабжения огромного региона отражали и абсолютное владение информацией, и знание технических параметров конкретных компрессорных станций нарождающейся системы газоснабжения страны, и уверенность в надежно работающей связи с Центральным диспетчерским управлением. И буквально час за часом переориентированные потоки спасительного газа северных месторождений, а с ним тепло и электроэнергия, следуя оперативно разработанному графику, устремились в заданном направлении. Это было одно из первых испытаний ЕСГ в форсмажорных обстоятельствах. И его выдержали все звенья системы.

Сегодня обидно сознавать, что созданная в свое время уникальная газопроводная система, рассчитанная на поставку в регион до 20 млрд м^3 газа в год, если и используется, то разве что символически. Рухнувшая экономика самостоятельных за-

кавказских стран с ослабленными, а то и разорванными экономическими связями оказалась не в силах совладать с доставшимся им уникальным наследством, по большей части превращенном в груду ржавеющего металла. Одним из выводов из истории с иранским газом стала интенсификация работ по разработке программы освоения разведанных месторождений природного газа на Ямале. У В.А. Динкова все более регулярно, с участием ученых заслушивались проектные разработки предлагаемых технологий, сообщения о состоянии инфраструктуры, уточнялись извлекаемые разведанные запасы газа.

В начале 1980-х годов мы ощущали приближение развязки в решении судьбы газовых богатств Ямала. Все чаще на страницах печати появлялись журналистские прогнозы ближайшего наступления на этот северный полуостров. Ямал с его тремя десятками разведанных месторождений природного газа имел подготовленными к промышленному освоению месторождения Новопортовское, Бованенковское, Харасавейское, Крузенштерновское, открытые соответственно в 1964, 1971, 1974 и 1976 годах, суммарные извлекаемые запасы которых составляют 10,2 трлн м^3. Будущий газопровод Ямал — Европа предполагалось соорудить коллективными усилиями и средствами стран — членов СЭВ, объединенных в единый Консорциум. «Ямал» стало названием первого снегоболотохода грузоподъемностью 70 т, созданного в результате многообещающего совет-ско-канадского научно-технического сотрудничества...

Однако предпочтение было отдано альтернативному проекту «Ямбург — Гамбург», и с середины 1980-х годов к западной границе устремились пятидесятишестидюймовые газопроводы с природным газом открытого в 1969 году месторождения Ямбург. Освоение Ямала переносилось на более поздний срок.

Ко всему сказанному следует добавить, что работал Василий Александрович абсолютно не считаясь со временем. Его рабочий день начинался в 8 ч утра и завершался не ранее 10 ч вечера. В субботние дни делалось исключение. Он переступал порог кабинета в 10 ч утра и оставлял его к 24 ч, прихватив с собой «на воскресенье» ворох бумаг. Министр Оруд-жев, по заведенному в министерстве порядку, в субботу оставлял кабинет в 16 ч, каждый раз при этом повторяя: «Мы уходим, а вот Динков продолжает работать...».

При всей огромной занятости В.А. Динков был человеком коммуникабельным. В повседневной министерской жизни даже случайная встреча с ним оборачивалась обязательным напоминанием прерванного накануне обсуждения либо обмена мнениями по нескончаемым вопросам производства, терпеливым выслушиванием собеседника. У него всегда находилось время внимательно выслушать просителя, и удивляла учтивость, с которой он относился к нередким просьбам сослуживцев. Его, без преувеличения, самоотверженная увлеченность работой подчас оборачивалась опасными для здоровья последствиями, но это его не останавливало. Как-то после бессонной ночи в кабинете он почувствовал острую боль в глазу. На оказавшихся рядом сослуживцев он смотрел сквозь застилающую глаз кровавую пелену. Не выдержав подскочившее давление, лопнули капилляры роговицы. Настояния врача, мол, — нужен покой... можете потерять глаз..., — остались без внимания, и забинтованный он продолжал сосредоточенные обсуждения все более напряженных планов, не пропустив ни одного рабочего дня.

Он задавал динковский тон отношению к работе, совокупный результат которой представлен славной историей удивительных свершений в двух важнейших отраслях топливно-энергетического комплекса страны, в газовой и нефтяной промышленности. Сегодня трудно себе представить реальность нашей недавней истории, когда каждые 5-6 лет в стране удваивалась протяженность вступающих в строй магистральных газопроводов, а их по-прежнему не хватало. К 90-м годам XX века отечественный опыт и отечественная инженерная мысль обеспечили создание непревзойденно мощной газопроводной системы, и история по праву отвела Василию Александровичу Динкову имя её неустанного архитектора и созидателя.

В характере Василия Александровича спрессовались поразительное трудолюбие и неравнодушное отношение ко всему новому и прогрессивному. Ни время, ни болезни, ни отрешенность в последние годы жизни от крупномасштабных воистину динковских свершений, не охладили этого его душевного пыла.

Помню, как в начале 2001 года мы случайно встретились с ним по дороге из поликлиники. Надо было видеть всполохи живого огня во взгляде, когда он обратился с вопросом: «Ну как у Вас с «Голубым потоком»?

Жить ему оставалось несколько недель, но, как и в первые дни далеко ушедшей молодости, жизни иной, вне связи с беспокойными буднями он не мыслил. Таким и остался в памяти коллег Василий Александрович Динков.

Николай Андреевич САВОСТЬЯНОВ

Мои воспоминания о Василии Александровиче Динкове не претендуют на большую полноту, поскольку мне довелось работать и общаться с ним относительно недолгое время, на протяжении тех 4-х лет, когда он был министром нефтяной промышленности (1985—1989 годы). Сменил он на этом посту Н.А. Мальцева, который был отправлен в отставку несколько неожиданно для нас — работников министерства, хотя мы и чувствовали неудовлетворенность в «верхах» его деятельностью в связи с некоторым снижением уровня и темпов добычи нефти в СССР.

В те годы кадровые перемещения осуществлялись партией и правительством без предварительного согласования с освобождаемыми от должности, и поэтому Николай Алексеевич узнал о своем снятии только по телевизору из программы «Время» (как он сам об этом позже рассказывал).

Василий Александрович пришел в Миннефтепром из газовой промышленности, где он уже был министром. Его приход был воспринят, как стремление ЦК КПСС укрепить руководство нефтяной отраслью, поставив во главе ее человека, проверенного на деле, хорошо зарекомендовавшего себя у газовиков; он стал к тому времени Героем Социалистического Труда. И все же аппарат Миннефтепрома воспринял приход Динкова с некоторой настороженностью. Он не был профессионалом-нефтяником и, хотя наши отрасли технологически очень близки, высказывались опасения, что новому министру будет непросто войти в многопрофильное и хлопотливое нефтяное хозяйство.

Однако эти опасения оказались беспочвенны. Уже вскоре после прихода Динкова в министерство, стало ясно, что Василий Александрович прекрасно разбирается в нефтяных делах, причем делает он это основательно, глубоко вникая в суть рас-

сматриваемых проблем. Практически никакого времени на адаптацию ему не понадобилось. Я убедился в этом, когда, дней через десять после своего назначения, новый министр пригласил меня, как начальника Геофизического управления, в свой кабинет для знакомства с делами и проблемами нефтяной геофизики. Разговор был очень заинтересованный, беседа шла более часа. Василий Александрович оказался прекрасным собеседником. Он не прерывал моего рассказа, был очень внимателен, располагал к себе несомненными глубокими знаниями и уважительным отношением. При разговоре я понял, что Василий Александрович неплохо знает геофизику, хотя в Мингазпроме она была маломасштабной, ее роль ограничивалась лишь каротажными исследованиями, а сейсморазведочных работ под эгидой Газпрома вообще не велось. Помню в заключение он сказал мне добрые слова о высоком интеллекте геофизиков и выразил уверенность, что время позволит ему влезть поглубже в геофизические проблемы.

Вскоре после первой встречи с новым министром его первый заместитель Владимир Юрьевич Филановский, который курировал правление геофизики, предложил организовать посещение В.А. Динковым нашего вычислительного центра (ВЦ) Центральной геофизической экспедиции (ЦГЭ). Мы очень гордились этим ВЦ. В.Ю. Филановский небезосновательно называл ЦГЭ — мозговым центром нефтяников и очень нас поддерживал во всех начинаниях, помогал в деле обустройства ЦГЭ, закупки импортного компьютерного оборудования. Действительно, по тем временам внешнее убранство вычислительного центра и могучий научно-технический потенциал его кадрового состава были на мировом уровне.

Во всем этом Василий Александрович убедился воочию во время своего посещения ЦГЭ, хотя эмоционально все выглядело достаточно спокойно. Он по-деловому интересовался делами геофизиков, задавал много вопросов руководству управления и ЦГЭ, но не высказывал никаких особых восторгов по поводу увиденного и услышанного. Просто сказал, что удовлетворен этим посещением и обещал помогать в будущем. А у Динкова слова никогда не расходились с делом.

Через некоторое время он предложил мне подготовить на коллегию министерства вопрос об укреплении геофизической службы и дал три месяца на подготовку. Никогда прежде гео-

физиков на коллегии не слушали. Наш предыдущий министр говорил, что геофизики — это люди на подхвате, что они порой своими исследованиями лишь мешают буровикам ставить рекорды скоростей проходки скважин, что было, конечно, несправедливо.

С приходом В.А. Динкова отношение к геофизической службе в министерстве в корне изменилось. Он ясно видел и высоко ценил роль нефтяной геофизики в поиске, разведке и разработке месторождений, как службы, дающей очень нужную информацию о строении и вещественном составе нефтяных залежей, о количественных характеристиках пластов.

Это нашло выражение в историческом (для нас, геофизиков) приказе «О мерах по укреплению геофизической службы Министерства нефтяной промышленности», подписанном по итогам коллегии. Затем последовало постановление Совета Министров СССР об утверждении меня — начальника Управления промысловой и полевой геофизики — членом коллегии министерства нефтяной промышленности СССР, что было, по-моему убеждению, выражением глубокого понимания министром В.А. Динковым важного места геофизической службы в нефтяной отрасли.

Как член коллегии, я, посещая ее заседания, всякий раз убеждался в блестящих административных и деловых качествах Василия Александровича. Заседания были всегда хорошо подготовлены, как и сам председатель коллегии — министр. Он приходил на коллегию, как правило, уже досконально изучив обсуждаемый вопрос и имея по нему свое личное мнение, которое он стремился либо подтвердить, либо изменить в зависимости от результатов обсуждения. Поэтому вопросы рассматривались очень конкретно, по-деловому, без излишних словопрений.

В то же время Василий Александрович вел коллегию очень корректно, без ставших у нас привычными на прежних коллегиях разносов. Критика была иногда жесткой, но всегда справедливой. Его выступления на коллегиях отличались хорошим знанием обсуждаемой проблемы, высоким профессионализмом. Я вспоминаю, что идти на коллегию было удовольствием, без боязни, что на тебя могут посыпаться незаслуженные обвинения.

И вдруг, как «снег на голову» в августе 1989 года нам сообщили, что Василий Александрович Динков освобожден от должности министра в связи с уходом на пенсию.

А ему еще не было 65-ти. Говорили, что виною тому был не возраст, а иные причины, в частности, железнодорожная катастрофа под Уфой, когда в результате прорыва трубопровода погибли люди. Но, когда этот трубопровод строился, В.А. Динков не работал в нашем министерстве. Тем не менее, нужно было найти крайнего, и потому эта причина выглядит вполне возможной.

В конференц-зале Миннефтепрома были устроены торжественные проводы Василия Александровича на пенсию. Были выступления, речи, цветы. Я выступил тогда со своими стихами по этому грустному поводу. Вот они:

Очередную чехарду Переживаем в
нашей жизни, Но в перестроечном аду
Все ж не теряем оптимизма.

Мы верим в будущего свет, Хотя,
порой, бывает грустно. Сегодня все
мы, спору нет, Испытываем это
чувство.

За Вашей мощною спиной Четыре с лишним
года жили, Пройдя сквозь беды, бум, застой, Вы
уваженье заслужили.

В своих решениях — мудрец, Всегда разумный,
честный, смелый, Вы, как товарищ и отец, Нас
направляли делать дело.

Невольно рвется из груди
Молящее простое слово:
Не уходи! Не уходи! Начнем дела вершить по-
новой!

Но ключ повернут у судьбы, Не изменить того решенья. И нет уж смысла у мольбы — Настал черед отдохновенья.

За Вами трудный путь лежит, Забыть, что было — святотатство! И Вам спасибо говорит Нефтяников святое братство.

Услышав эти стихи, Василий Александрович был, как мне показалось, искренне растроган и облобызал меня со словами: «Я совсем не знал, что ты поэт. А стихи замечательные, спасибо большое».

Последнее мое общение с Василием Александровичем было на его 70-летии в декабре 1994 года в подмосковном «имении» Газпрома в Морозовке. Празднование юбилея было весьма представительным и в то *же* время дружеским. Я подарил Василию Александровичу тоненькую книжку своих эпиграмм, написанных на членов коллегии Миннефтепрома, с которыми мы вместе работали. Через пару дней после юбилея мне последовал телефонный звонок от Динкова. Он поблагодарил за участие в ведении застолья, где я был «тамадой» (одним из четырех) и особенно за эпиграммы. Просил не забывать и заходить к нему в Газпром, когда я там буду. Но этому не суждено было случиться.

Я благодарен судьбе за встречу с этим славным человеком и блестящим профессионалом. Добрая память о Василии Александровиче всегда со мной.

Юрий Николаевич АРГАСОВ

Впервые мне довелось встретиться с В.А. Динковым в рабочей обстановке в 1973 году в его кабинете заместителя министра газовой промышленности на Новом Арбате (я тогда работал заместителем начальника ВНПО «Союзгазавтоматика»).

Мы — несколько человек, вызванные на совещание — дожидались его начала, когда зазвонил телефон и В.А. Динкову

доложили о готовности к началу испытаний одного из участков газопровода Средняя Азия — Центр (САЦ). Василий Александрович положил перед собой схему участка и стал досконально выяснять все подробности: где размещены люди, как расположена техника, как организована связь и т.д. Я тогда был искренне удивлен, зачем заместителю министра вникать во все эти подробности, но затем, работая уже в аппарате Газпрома и будучи тесно связан с В.А. Динковым, я понял, что вникать во все дела самому, тесно увязывая организационные и инженерные стороны рассматриваемых вопросов, — стиль его работы.

Это совсем не значит, что он не доверял людям, но это доверие сочеталось с высокой требовательностью. Зная это, мы готовили решения с особой тщательностью. Особо я почувствовал это, будучи начальником отдела стандартизации Министерства в период разработки стандарта на качество газа (Василий Александрович в то время был уже первым заместителем министра).

Величайшей заслугой Василия Александровича явилось коренное изменение отношения к качеству строительства объектов магистральных газопроводов. Он требовал от нас (а я с 1981 года был назначен начальником Главгосгазнадзора) неукоснительного выполнения всех норм и правил как в ходе строительства, так и при испытаниях. При этом он оказывал нам активную поддержку, особенно в конфликтных ситуациях с Миннефтегазстроем. Приведу характерный пример.

В начале 1983 года активно шли работы по строительству головного участка газопровода Уренгой — Ужгород. И вот в марте, проверяя исполнительную документацию, инспектор газнадзора В.И. Рогожин обнаружил непонятные дубликаты требуемых пленок рентгеноскопии сварных швов. Мы остановили работы и потребовали пересветить стыки по всему участку (60 км). По тем временам это было неслыханное требование. В дело вмещались самые высокие инстанции Миннефтегазстроя, пытаясь найти компромиссное решение.

Однако Газпром занял жесткую позицию, главным образом благодаря В.А. Динкову. В результате по указанию бывшего тогда министром строительства предприятий нефтяной и газовой промышленности Б.Е. Щербины все 60 км газопровода были перепроверены. А Василий Александрович наградил инспекторский состав (в частности Рогожина) премией.

Я не помню ни одного случая, чтобы Василий Александрович отменил бы мое решение как начальника главка или не согласился с нашей позицией в спорных ситуациях. Благодаря ему ощутимо выросло качество строительства объектов, а авторитет газнадзора существенно вырос.

Вспоминая многие годы работы с В.А. Динковым, мы, работники газнадзора, считаем его крупнейшей фигурой среди руководителей газовой промышленности и наиболее сильным из министров.

Портрет Василия Александровича был бы неполным, если не отметить его внимание к подчиненным, уважение к чужому мнению. Мы многому научились у В.А. Динкова и при его поддержке создали высокопрофессиональный, боеспособный коллектив, в массе своей компетентный, бескомпромиссный, завоевавший уважение как работников Газпрома, так и многочисленных подрядчиков — участников сооружения самой мощной газовой системы в мире.

Аргольт Яковлевич БЕККЕР

О Василии Александровиче Динкове как о руководителе и человеке у меня остались самые приятные воспоминания. А запомнил я его еще по Ухте, где в полевой сезон 1968—1969 годов работал главным инженером СУ-6 Сварочно-монтажного треста на строительстве первой очереди газопровода Вуктыл — Ухта.

Члены коллегии Мингазпрома, в том числе и В.А. Динков, часто приезжали в Коми, на Вуктыльское месторождение. Запасы газоконденсатного Вуктыла тогда оценивались очень высоко — в 180—200 млрд м^3.

На производственных совещаниях в Ухте, в полевых условиях постоянно обсуждались насущные вопросы, связанные со строительством газопроводов большого диаметра и перекачкой газа на дальние расстояния. И мы, производители работ, инженеры, руководители среднего звена тоже варились в этом «котле», набирались знаний у наших старших товарищей, делились и своим опытом, полученным в трассовых условиях. Лично я только на Ухте столкнулся со строительством газопроводов

большого диаметра, и именно В.А. Динков стал в этом деле одним из моих учителей.

Надо было видеть, как внимательно на производственных совещаниях Василий Александрович выслушивал непосредственных участников строительства. Он никогда никого не перебивал, не задавал лишних вопросов, он вообще был немногословен и незаметен до тех пор, пока дело не касалось рассмотрения важнейших аспектов обсуждаемой проблемы. В компетентности Динкова никто не сомневался. Он до мельчайших нюансов знал технологию добычи и перекачки природного газа и потому во главу угла всегда ставил качество строительства и надежность эксплуатации газовых объектов. К сожалению, на многих стройках не хватало людских и материально-технических ресурсов, чтобы быстро и качественно построить объекты. Василий Александрович, как большинство профессионалов, конечно, страдал от этого. Он понимал, что технология — это точный трезвый расчет, что ее нельзя заменить одним энтузиазмом. Он, кстати, с долей скептицизма относился к прессе, держал ее на дистанции, в узком кругу называл поверхностные публикации о газовой промышленности никому не нужной «шелухой».

В 1969 году в Коми АССР была построена первая в мире газовая магистраль Ухта — Торжок из труб диаметром 1220 мм. Протяженность ее составила 1500 км. По тем временам это было большим достижением. Увеличился поток добываемого с Ву-ктыла газа, пошли разговоры об обустройстве месторождения Медвежье. Поэтому назначение А.К. Кортуновым в 1970 году В.А. Динкова и Ю.П. Баталина своими заместителями мы восприняли как начало подготовки к освоению большого сибирского газа.

В ранге заместителя министра В.А. Динков отвечал не только за добычу, но и за транспорт газа, курировал строительство газопроводов, компрессорных станций, подземных газовых хранилищ. В этих вопросах он был, образно говоря, правой рукой и А.К. Кортунова, и С.А. Оруджева, возглавившего отрасль в 1972 году. Поэтому рано или поздно мы должны были с ним пересечься по работе, так как в конце 60-х и начале 70-х годов я, как генподрядчик, занимался, в основном строительством компрессорных станций в газовом коридоре Медвежье — Центр.

В очень сложную ситуацию я тогда попал на строительстве Лонг-Юганской КС. Оборудование, предназначенное для монтажа, передали на Краснотурьинскую станцию. В марте 1972 года на стройплощадку прилетает министр С.А. Оруджев, спрашивает меня: «Как у вас?». Я отвечаю: «Если оборудование будет — до декабря все сделаем». Идем к вертолету. И тут, как назло, на нашем пути лежит сегмент газохода. Оруджев молча пнул его ногой и говорит: «Сынок, когда это будет на месте, тогда ты мне и скажешь, что у тебя нет оборудования». Мне было, конечно, не по себе. Но после приезда министра к разрешению этой проблемы подключились В.А. Динков, начальник Тюменгазпрома Е.Н. Алтунин и промышленный отдел Тюменского обкома КПСС. Завезли оборудование, четко по графику поступало топливо и питание для строителей. Работало до 15 вертолетов Ми-6 и Ми-8. Особенно большому риску подвергали себя вертолетчики, когда «на подвеске» перетаскивали на стройплощадку такие тяжелые агрегаты, как пылеуловители. Но по-другому доставить эти агрегаты в то время не было возможности. Спасибо В.А. Динкову, по его указанию мне выделили три «Волги» для наиболее отличившихся пилотов.

Когда в конце ноября 1972 года С.А. Оруджев вновь прилетел на Лонг-Юган, два газотурбинных агрегата уже были прокручены, а два находились в ревизии. Энергоблок работал на газе, что тоже было в новинку. До Лонг-Югана я возводил Пунгинскую КС и там впервые в отрасли внедрил автономную электростанцию, работающую на газе. Просто это дело мы тогда не афишировали. Сабит Аттаевич был, конечно, удивлен, потому что на строительстве Краснотурьинской КС, которую он мне ставил в пример, было еще небо над головой.

В 1977 году, когда я работал начальником управления субподрядных работ Главсибтрубопроводстроя, мне пришлось заниматься строительством Хулимсунтской КС. Площадка находилась в 150 км от Игрима у реки Сосьва. Там мы уже монтировали агрегаты мощностью 10 тыс. кВт — ГТК-10. Ждали приезда С.А. Оруджева и В.А. Динкова. Перед их прилетом я позвонил начальнику главка В.Г. Чирскову. Владимир Григорьевич мне говорит: «Министр не в духе, на Приполярной КС кто-то ему не так доложил — снял с работы. Готовься». Но прилетел только Динков. Прошли с ним по площадке, спросил меня насчет оборудования. Я ответил: «Нет вопросов, мы все

решим». Хотя на самом деле оборудования у меня не было, и Динков это знал. Как мы завозили агрегаты для КС по обмелевшей речке — другой вопрос, но станция была построена за рекордное время — за шесть с половиной месяцев.

Такие эпизоды не забываются. Поэтому когда я в 1978 году снова стал работать в системе Мингазпрома — управляющим трестом «Комсомольскремстройгаз», заместителем начальника ВПО «Тюменгазпром» по собственному строительству — при встречах с Василием Александровичем всегда испытывал благосклонное отношение к себе. В.А. Динков точно знал, в каких вопросах на меня можно положиться как на управленца и специалиста. Знал, что поставленная передо мной задача будет выполнена в срок.

Работы по собственному строительству на Медвежьем, Уренгое, Ямбурге, линейных компрессорных станциях было тогда невпроворот. Надо было решать массу вопросов, связанных с выделением капитальных вложений под проектирование и строительство газовых объектов. Только благодаря поддержке министра газовой промышленности СССР В.А. Динкова нам удалось создать в ВПО «Тюменгазпром» мощную производственную базу по собственному строительству.

Василий Александрович был государственным человеком. У него нельзя было получить добро на непродуманный досконально и непросчитанный до копейки проект. Знаю, что ряд бывших работников министерства обижались на Динкова, что он «тормозит» решение того или иного важного вопроса. Но здесь подход у Василия Александровича был простой: если работник не может четко сформулировать и обосновать задачу, то вряд ли он впоследствии справится с ее решением.

После того, как я более пяти лет проработал начальником транспортного управления Мингазпрома СССР и начальником Фирмы строительного подряда и транспорта государственного газового концерна «Газпром», меня в 1990 году избрали президентом АО «Стройтрансгаз». Компании, которую я возглавил, Газпром отводил тогда роль подрядчика на строительстве и реконструкции газоперекачивающих станций. Однако благодаря гибкой финансовой политике и жесткой технологической дисциплине Стройтрансгаз сумел за несколько лет стать лучшим на отечественном рынке нефтегазового строительства. Никто из зарубежных подрядчиков, участвовавших в 1993 году в тен-

дерных торгах на строительство линейных компрессорных станций Газпрома в труднодоступных районах Пермской области и Приполярного Урала, не смог составить нам конкуренцию.

Василий Александрович внимательно следил за становлением Стройтрансгаза, при встречах одобрительно отзывался о нашем активном участии в возрождении нефтегазостроительного комплекса страны, давал дельные советы по реконструкции участков действующих газопроводов и линейных компрессорных станций.

В 1995 году В.А. Динков возглавил тендерный комитет по строительству газопровода Ямал — Европа. В жесткой тендерной борьбе Стройтрансгазу удалось стать генподрядчиком по сооружению 877 км этой трансконтинентальной магистрали и четырех компрессорных станций. И я благодарен Василию Александровичу за то, что он как председатель тендерного комитета оказал нам доверие в этом вопросе, помня о продуктивной совместной работе в прошлые годы. Здесь с его стороны не было никакого протекционизма — просто мало кто в отрасли, как В.А. Динков, знал действительную «цену» многочисленным подрядным организациям.

Рудольф Михайлович ТЕР-САРКИСОВ

В начале 1980-х годов мы начали внедрять методы, созданные на базе результатов экспериментальных исследований и математического моделирования пластовых процессов. Я, как руководитель научного коллектива, часто бывал на Оренбуржье, в Республике Коми, на Украине и в других газодобывающих регионах. Запомнились из того периода деятельности встречи и телефонные разговоры с Василием Александровичем Динковым. Меня удивляло, как министр, стоявший во главе сложнейшей отрасли крупной мировой державы, скрупулезно вникал в детали, быстро схватывал существо идеи и, оценив ее, загорался сам и включал в дела своих подчиненных.

Расскажу лишь о двух случаях.

В 1982 году в аварийной ситуации, возникшей в технологической цепочке Оренбургский ГПЗ — Салаватский нефтехим-

комбинат, нами было предложено закачивать товарный конденсат на временное хранение в совхозное подземное хранилище газа. Были, естественно, скептики, считавшие, что это — потеря навсегда ценного продукта. Однако мы, как ученые, предложили и технологию эффективного извлечения конденсата из пласта, после того, как авария будет устранена. В.А. Динков проявил большой интерес к технологии, принял Рема Ивановича Вяхирева (тогда — главный инженер объединения «Оренбурггазпром») и меня и попросил рассказать о технологии. Удивило меня терпение В.А. Динкова. Он слушал меня, ученого, не перебивая, очень внимательно. Наши совместные с производственниками технические решения были одобрены.

Через год мне вновь довелось встретиться с министром. Узнав об отличных результатах испытаний нашей новой технологии обработки газоконденсатной скважины на Вуктылъском ГКМ, В.А. Динков пригласил меня вновь. Помню как полученные нами на скважине № 26 результаты эмоционально обсуждал до этого со мной Г.Д. Маргулов (тогда — первый заместитель министра). В министерство были приглашены также директор ВНИИГАЗа А.И. Гриценко и известный специалист по обработке скважин, нефтяник В.А. Амиян. Мы втроем входим в кабинет министра. В.А. Динков быстро встает и идет навстречу, здоровается с нами почти у входной двери. Он проявил и в этот раз, и проявлял неизменно впоследствии большое уважение к представителям науки. Подробно ознакомившись с результатами научных изысканий и с данными испытаний технологии, высказав удовлетворение всем услышанным, В.А. Динков изложил нам свое видение перспектив внедрения методов повышения углеводородоотдачи пласта при разработке месторождений. Эта встреча происходила, между прочим, в конце декабря, в день его рождения. Однако ничто не отвлекало хозяина кабинета от погруженности в предмет обсуждения. В том же деловом ритме В.А. Динков, в режиме телефонного обсуждения, уточнял детали программы предстоящих действий с отсутствующими в кабинете ответственными специалистами, вовлекая в него А.И. Гриценко и меня.

В результате министром газовой промышленности СССР В.А. Динковым был подписан знаменательный для нас приказ № 243 о проведении на Вуктыльском ГКМ крупного промыш-

ленного эксперимента для увеличения добычи конденсата (проект «Конденсат-1»). Это был старт нового направления в отрасли.

Последовали проекты «Конденсат-2», «Конденсат-3» и т.д. Вуктыльское месторождение стало признанным в отрасли полигоном по отработке новых технологий разработки месторождений природных газов. На этом объекте многие годы идет начавшаяся впервые в мире крупная промышленная добыча ретроградного конденсата, образующего обычно неизвлекаемые потери.

Во ВНИИГАЗе было создано новое научное направление, специализирующееся на проблемах повышения утлеводородоотдачи пласта. Многие сотрудники защитили докторские и кандидатские диссертации, нашедшие практическое применение во всех основных газодобывающих регионах России и других стран СНГ.

000 «Севергазпром» (тогда — объединение «Комигазпром») и Вуктыльское газопромысловое управление стали также кузницей кадров для современного газового производства. Начинавший в 1983 году с нами дела по внедрению новых технологий на Вуктыле В.Г. Подюк вырос в одного из руководителей отрасли в целом.

В газодобывающей промышленности практически во всех регионах, где идет добыча голубого топлива, поддержанные в свое время В.А. Динковым передовые идеи успешно реализованы и послужили мощным импульсом к дальнейшему развитию отрасли. Все это — лучшая память об этом выдающемся руководителе государственного масштаба и замечательном человеке.

Анатолий Степанович ХАЛАБЕРДА

Из множества людей, с которыми мне довелось познакомиться за 45 лет работы в нефтяной и газовой промышленности, Василия Александровича Динкова по его человеческим и профессиональным качествам я вижу в первой пятерке — где-то между В.Д. Шашиным, П.С. Васильевым, Р.Ш. Мингареевым и Н.К. Байбаковым.

Все они оставили огромный след в моем миропонимании и в моей памяти, поскольку обладали теми качествами, которые мне импонировали и которыми самому хотелось бы обладать — колоссальной работоспособностью, умением брать на себя ответственность, добиваться решения поставленных перед ними задач (на каком бы уровне служебной иерархии они не находились), высоким профессионализмом, умением выслушивать и воспринимать мнения подчиненных. Нс менее ценно для меня было и то, что все они счастливо сочетали эти качества с уважительным отношением к подчиненном, умением понимать их нужды и заботы и никогда на моей памяти никто из них не опускался (как это часто бывает с руководителями) до унижения их (подчиненных) человеческого достоинства, что впрочем, не исключало, в соответствующих ситуациях, необходимой требовательности и строгости.

С Василием Динковым я познакомился в 1949 году, когда было объявлено о приеме на геологический, нефтяной и нефтехимический факультеты Краснодарского филиала Азербайджанского индустриального института (АзИИ), который должен был открыться к началу учебного года.

В то время нефтяная и газовая промышленность (особенно последняя с открытием на Кубани газоконденсатных месторождений) были «на слуху», и естественно, что многие молодые люди, окончившие в 1949 году десять классов, подали заявления в приемную комиссию этого филиала. Сдали экзамены и были зачислены прошедшие небольшой конкурс где-то около 100 человек. Нам было велено явиться в конце августа, чтобы узнать расписание занятий и уточнить, где эти занятия будут происходить. Однако где-то в середине августа нас вдруг собрали и поставили в известность, что по каким-то неясным причинам филиал открыт не будет. Нам было предложено забрать свои документы и попытаться поступить в другие вузы. Надо ли говорить, как мы были возмущены! Это возмущение, после неизбежной в таких случаях разноголосицы, вылилось в «петицию» на имя тогдашнего первого секретаря Краснодарского крайкома КПСС Игнатова. Он принял наших «ходоков» (это были, в основном, бывшие фронтовики и если мне память не изменяет, среди них был и Василий), выслушал и пообещал попытаться решить проблему. Буквально через несколько дней нас известили, что филиал все-таки открыт не будет, но по до-

говоренности с ЦК Компартии Азербайджана, всем желающим (из нашей сотни) предоставляется возможность поехать в г. Баку и учиться в АзИИ. Разумеется, согласились все.

Тут нужно сказать, что в связи с таким решением властей в АзИИ сложилась довольно сложная ситуация.

Сложность заключалась в том, что в АзИИ к тому времени уже был произведен набор полного состава студентов, и поскольку лимит стипендий был ограничен, то нас, как иногородних и «пострадавших» зачислили со стипендией, а соответствующее количество бакинских ребят вынуждено было учиться без стипендий. Естественно, что нас — нежданных конкурентов, многие невзлюбили, что потребовало от нас дополнительного рвения в учебе.

Поехали мы из Краснодара все вместе в поезде, который в народе именовали «500-веселый» видимо за то, что состоял он, в основном, из товарных, а не пассажирских вагонов. Нам действительно было весело, и всю дорогу из наших вагонов раздавались песни и хохот — ведь ехала сотня молодых здоровых людей, так удачно решивших свои проблемы с поступлением в ВУЗ.

В Баку нас встретили представители института и прямо с вокзала доставили в общежитие. Ночь мы провели в вестибюле, а наутро были размещены по комнатам, в том числе и в полуподвале, окна которого лишь на треть возвышались над тротуаром. Но нас это нисколько не смущало. Мы были счастливы, что приняты в институт и что у нас есть крыша над головой. Мы не были избалованы. Ведь за плечами оставалась только что закончившаяся тяжелейшая для всех (не только для солдат) война. Ведь был всего лишь 1949 год — четвертый мирный год.

В институте тоже все быстро «утряслось». Нас распределили по группам, в которых (в связи с нашим неожиданным, и для руководства института, прибытием) оказалось по 40 — 45 человек, т.е. сверх всякой нормы.

Волею судеб я попал в одну группу с Василием. Начались студенческие будни.

Первые два года для всех нас были очень сложными. У многих война прервала учебу в школе на несколько лет (у кого служба в армии, у кого оккупация, у кого эвакуация) и к тому же знания бакинцев были более основательными. Наши же

(краснодарцы) по общим дисциплинам «хромали» на обе ноги. Чтобы не быть «отсеянными», да еще и стипендию получать, что для абсолютного большинства из нас было совершенно необходимым условием для учебы в институте, занимались весьма и весьма напряженно.

И все же по итогам двух сессий первого курса многие были отчислены за неуспеваемость, большинство из удержавшихся сдали экзамены в основном на тройки (благо стипендию платили и при таких оценках), и только Василий окончил первый курс с отличными оценками по всем предметам и стал первым (по крайней мере в нашей группе) стипендиатом-отличником. Надо сказать, что обычная стипендия первокурсника в нефтяном институте была 395 рублей и на нее при известной экономии можно было жить. Повышенная же стипендия была где-то под 500 рублей и ее хватало для вполне приличной (по нашим тогдашним послевоенным меркам) жизни.

«Отсев» за неуспеваемость на первых двух курсах был значительным. Достаточно сказать, что наша группа на первом курсе насчитывала 44 человека, а получили дипломы всего 16.

Я так подробно останавливаюсь на этом периоде жизни Василия, чтобы показать, как нелегко было ему, человеку прошедшему войну, фронт, уже на начальном этапе приобщения к профессии газовика и нефтяника приобрести знания и получить звание инженера по разработке газовых месторождений, которое он с таким достоинством и так успешно реализовал, пройдя по всем ступеням производственно-служебной иерархии и завершив карьеру в ранге министра газовой, а затем нефтяной промышленности огромной страны — СССР.

Здесь хочу сделать небольшое пояснение. Газовиком Василий стал чисто случайно. После второго курса, когда было закончено изучение общеобразовательных предметов, все группы деканат разделил по специализации. Были группы нефтепромысловиков, морских нефтепромысловиков, буровиков, газовиков. Нашу 242-ю группу ориентировали на добычу газа, т.е. основным предметом для нас стала разработка газовых месторождений. Этот предмет вел у нас профессор Михаил Хосрович Шахназаров. Он нам рассказывал о своем приобщении к газовой промышленности: «В конце 1920-х годов, когда «Азнефть» возглавлял А. Серебровский, он однажды пригласил меня к себе и объявил о решении направить меня в Соединенные

Штаты Америки изучать газовое дело, поскольку специалистов в этой области у нас нет. Но я же занимаюсь проектированием паровозов, — сказал я ему, вспоминал Шахназаров, — «ну и что из того? Вы грамотный инженер — разберетесь и с газовыми проблемами».

Это был высококультурный весьма эрудированный ученый и талантливый педагог, и мы очень скоро оценили и его человеческие и профессиональные качества. Газовое дело стало нашим любимым предметом, хотя мы продолжали изучать факультативно и нефтепромысловое дело, и бурение, и разработку месторождений, и геологию. Институт безусловно дал нам обширные знания, что позволило всем нам, не зависимо от обстоятельств, быть вполне грамотными инженерами во всех областях, связанных с разработкой как газовых, так и нефтяных месторождений.

Возвращаясь непосредственно к Василию Динкову, не могу не сказать, что уже тогда, на начальном, студенческом этапе, Василий выделялся из всех нас, однокурсников, своей неутомимой работоспособностью, рассудительностью, ровным уравновешенным характером. Именно поэтому с первого и до последнего курса он был бессменным старостой нашей группы и достойно защищал наши интересы в необходимых случаях будь то перед деканатом или перед дирекцией института. У него всегда находились нужные слова и верный тон, чтобы погасить возникавшие иногда конфликты внутри группы. Причем делал он это как-то ненавязчиво, незаметно, так что казалось, что конфликтующие стороны пришли к согласию сами собой.

Кроме того, Василий успешно сочетал учебу с работой. Не помню точно, но кажется с 3-го курса Василий стал работать (не знаю как правильно называлась эта должность) заведующим читального зала в нашем общежитии. Там была возможность вечером, после занятий в институте, позаниматься курсовым проектом, подучить пройденный материал и подготовиться к зачетам. Официально «читальня» была открыта с 19 до 23 ч, но мы краснодарцы, пользуясь знакомством с Василием, имели возможность заниматься до тех пор, пока он сам не прекращал занятия. Но я свидетельствую, что Василия пересидеть никто из нас не мог. Казалось исчерпано терпение самых усидчивых, а он все еще оставался и работал до тех пор, пока не

докапывался до самой сути любого материала, любой формулы. И не удивительно, что все годы учения, начиная с первого курса, он все предметы знал на отлично, и мы были спокойны, что если что-то непонятно — Василий всегда разъяснит.

Огромная трудоспособность, настойчивость, с какой Василий овладевал знаниями, уже в студенческие годы давали основание предсказать его будущие успехи на производстве. Наши девочки (в группе было четыре студентки, окончившие институт) — еще в те годы частенько говорили: «Быть тебе Вася министром» — и оказались пророчицами.

После окончания института наши пути с ним разошлись в силу того, что он был направлен на работу в Краснодарский край и занимался вопросами разработки газовых и газоконденсатных месторождений, а я уехал в Татарскую АССР, где в начале занимался газом, но очень скоро переключился на добычу нефти. Тем не менее наши дружеские отношения, зародившиеся еще в студенческие годы, годы совместного обучения в одной группе и проживания (какое-то время) в одной комнате общежития, не прерывались до самой его кончины. Мы встречались то в Краснодаре, где он работал, а я приезжал частенько к родителям, то в Москве, куда Василия Александровича перевели на работу в Министерство газовой промышленности еще при легендарном министре Кортунове в 1966 году. И здесь, в Москве, Василий, начав работу в министерстве с должности начальника Главного управления по добыче газа, очень быстро, шагая сразу через несколько иерархических ступеней, не имея за спиной, как говорится, никакой «руки», уже в 1981 году возглавил Мингазпром.

Отлично зная газовое дело и в теории и на практике, обладая редким сочетанием таких отмеченных ранее качеств, как трудолюбие, работоспособность, знание людей и умение с ними работать, не зависимо от того были это подчиненные или начальники, он стал блестящим министром, обладавшим огромным авторитетом и в ЦК КПСС, и в Совете Министров, и в Госплане СССР. Признаюсь, что именно поэтому, когда в 1985 году Василия Александровича Динкова назначили министром нефтяной промышленности, я, работая тогда в Госплане СССР, в нефтяном отделе и хорошо представляя себе всю сложность ситуации, в которой пребывала нефтяная промышленность страны, не одобрял в дуйте, как самого назначения

(ведь Василий и по образованию, и по опыту работы был газовиком), так и согласия Василия принять это министерство. Но должен признать, что я был не прав. Василий быстро вошел в курс дел и блестяще справился с руководством новой для него отраслью. И по моим личным впечатлениям, и по отзывам работников Миннефтепрома, он легко (внешне, оставляя за скобками чего это стоило ему лично) вошел в курс проблем и в коллектив министерства и стал признанным лидером этой огромной и сложнейшей отрасли народного хозяйства.

Не сомневаюсь, что добрую память об этом замечательном человеке сохранят многие и многие газовики и нефтяники. Во всяком случае все те, кому посчастливилось знать Василия и работать с ним, надолго сохранят добрую память о нем и наверняка скажут своим детям и внукам: «Был такой министр Василий Александрович Динков. Вот это был министр!».

Мне приятно сознавать, что я был близко знаком и дружил с этим выдающимся человеком.

С любимой дочерью Наташей. Краснодар, начало 1966 г.

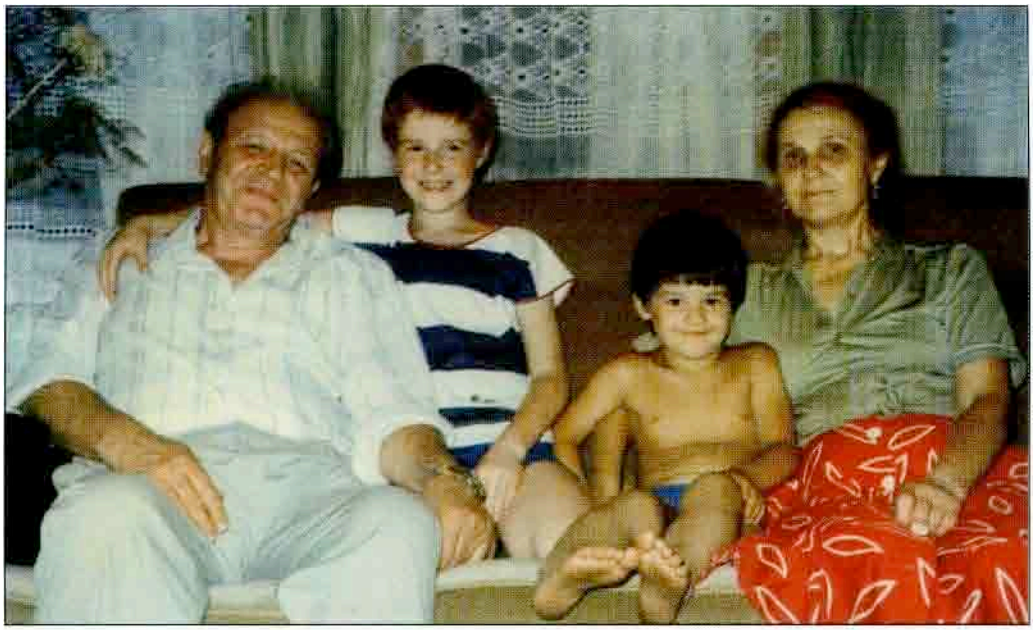
Супружеская чета Цинковых на торжественном банкете

В окружении двух любимых женщин

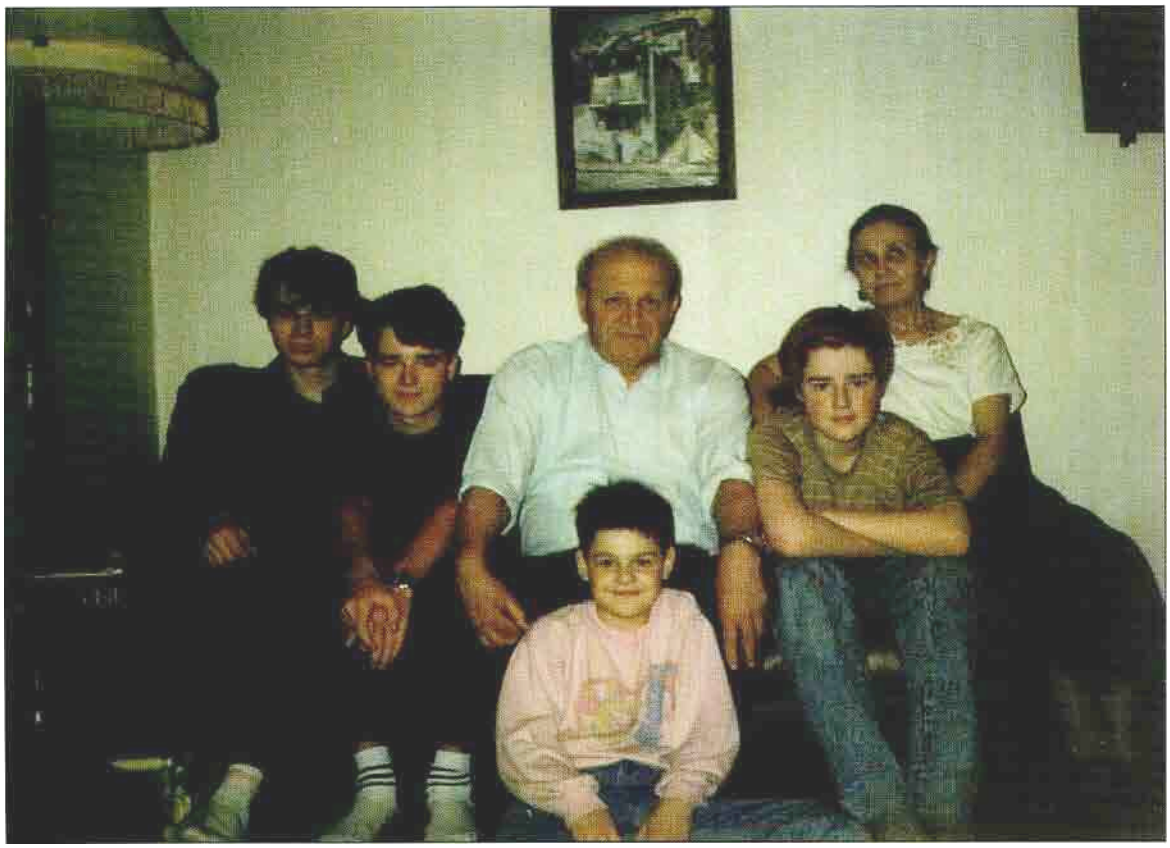
Василий Александрович с дочерью Нчташей и сыном Александром

На снимке Василий Александрович и Галина Петровна с зятем Александром. Их с зятем связывали добрые и близкие отношения

Добрые приветствия Н.К. Байбакова чете Динковых в день семидесятилетия Василия Александровича

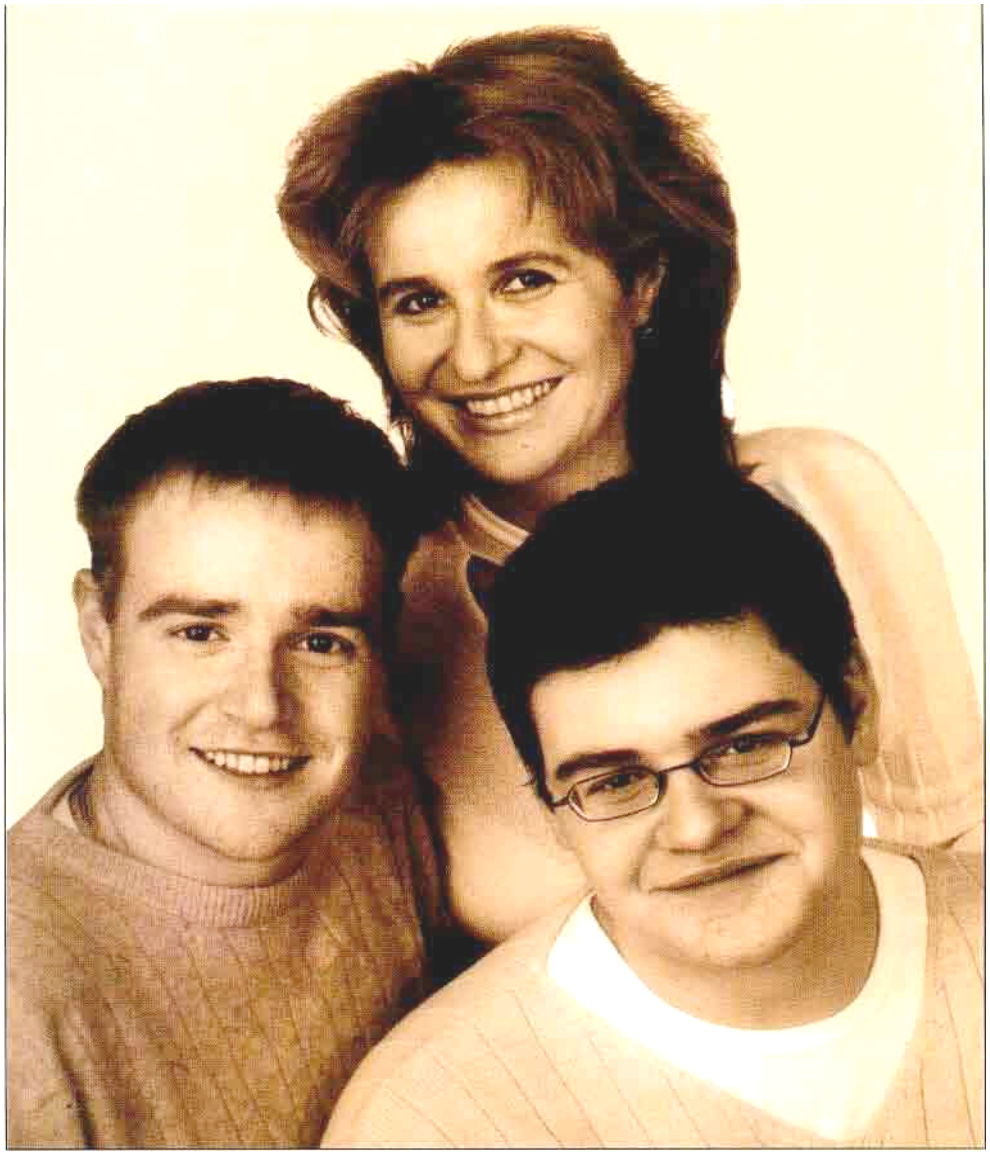


Отношение бабушки и дедушки к внукам — это и бесконечная тема глубоких родственных чувств, и, вместе с тем, ни на минуту не забываемая ответственность за воспитание третьего поколения Динковых



Любящий и нередко балующий своих любимцев дедушка всегда находил время для всевозможных игр, наполнявших детским визгом и взрослым хохотом всю квартиру. Это была и горячая привязанность к ним, и горделивое осознание радости иметь четырех внуков, а следовательно и спокойствие за продолжение рода. На снимке Василий Александрович с любимыми внуками и женой

Он все-таки успел показать любимой жене и верному другу незнакомые страны, в значительной степени, незнакомые и для себя, так как все время пребывания в заграничных командировках он продолжал заниматься тем же делом, что и на родине — работал. На снимке супруги Динковы на Мон-Мартре. Париж, 1998 г.



Бег времени беспрерывен, и сегодня внуки Василия Александровича — взрослые граждане, строящие планы самостоятельной жизни. И как бы ни складывалась судьба каждого из них надеемся, что их жизнь всегда будет ответственной. Пожелаем же им удачи. Внуки Василий и Георгий, дочь Наташа

Внуки Сергей и Владимир, сын Александр

Василий Александрович с младшим братом Юрием Александровичем и сыном Александром. Москва, 1988 г.

Фотообъектив все чаще застает Василия Александровича в раздумьях, запечатленных на великолепных фотографиях. О чем думалось в эти мгновения человеку, для которого синонимом жизни был неустанный труд, а результат жизненного труда возвеличил мощь и богатство Отечества?

Чтобы не ошибиться в ответе на вопрос, нужно так же достойно прожить жизнью этого гениального инженера и великого труженика, кавалера высших государственных наград и патриота своей Страны. Он всегда мыслил категориями и жил жизнью Державы. Можно безошибочно утверждать, что и последние помыслы его были не о себе

В минуты душевного комфорта

Насыщенная высокой ответственностью и постоянными заботами в течение всего напряженного рабочего дня жизнь министра Динкова буквально преображалась, как только он переступал порог дома. И эта традиция сохранилась навсегда.

В жизнерадостной семье Динковых собирались дети и внуки, а хлебосольная Галина Петровна принимала всегда желанных друзей всех поколений домочадцев. Семья жила нормальной, духовно здоровой жизнью, познавая цену людям и исповедуя жизненные устои предыдущих поколений Динковых. Они жили жизнью по-настоящему счастливых людей, ибо сумели сохранить и теплоту чувств, и трогательную взаимную заботу. И в этом нетрудно убедиться, глядя на фотографию. Москва, 2000 г.

Сухогруз «Василий Динков^ - неутомимый труженик прибрежных вод Черноморского пароходства